

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 85.

СЕРГѢИ ГОРНЫМ

ЯНТАРНЫЙ КИПРЪ

БЕРЛИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Издательство „Мысль“
Verlag „Mysl“ G.m.b.H., Berlin, Zimmerstr. 7-8.

№ 1. Изъ русскихъ поэтовъ. (Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ, Сологубъ, Мережковскій).

№ 2-3. Поэзія большевистскихъ дней. (Блокъ, Эренбургъ, Есенинъ, Каменскій и др.).

№ 4. Л. Толстой. Алеша Горшокъ. — Послѣ бала. — Что я видѣлъ во снѣ. — Отъ ней всѣ качества.

№ 5. Ф. Достоевскій. Чужая жена и мужъ подъ кроватью.

№ 6. И. Крыловъ. Избранныя басни.

№ 7. Гр. Ал. К. Толстой. Исторія Россіи отъ Гостомысла. — Сонъ статскаго совѣтника Попова. — Потокъ - богатырь.

№ 8. Ив. Шмелевъ. Сладкій мужикъ. —

№ 9-10. Гр. Ал. К. Толстой. Смерть Іоанна Грознаго.

№ 11. Ф. Достоевскій. Скверный анекдотъ.

№ 12. Тэффи. Сокровище земли.

№ 13. Н. В. Гоголь. Петербургскіе рассказы.

№ 14-15. А. С. Пушкинъ. Исторія пугачевскаго бунта.

№ 16. А. М. Дроздовъ. Распятіе.

№ 17. Изъ русской лирики. (А. Бѣлый, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, М. Лохвицкая, Игорь Сѣверянинъ.)

№ 18-19. Гр. Ал. К. Толстой. Царь Фѣдоръ Іоанновичъ.

№ 20. Тэффи. Стамбуль и солнце.

№ 21. А. П. Чеховъ. Мелкія пьесы.

№ 22. В. Г. Короленко. Рассказы.

№ 23. Юрій Слезкинъ. Чемоданъ.

№ 24-25. Л. Н. Толстой. Крейцерова соната.

КНИГА ДЛѢ ВСѢХЪ

№ 85.

Pf

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ

Янтарный Кипръ

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

420.858

Издательство „МЫСЛЬ“
БЕРЛИНЪ
1922

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
День хромого Яни	3
Христаллю	29
Съдой Іорко	41
Сквозь сонъ	49

День хромого Яни.

Еще одну секунду и гнѣздо было бы у него въ рукахъ. Вотъ тутъ - же, среди темныхъ вѣтвей видѣлъ онъ что-то густое и круглое. И пальцы ужъ протянулись. Но, потомъ, вдругъ затрепетали они на секунду, словно мелко и быстро защелкали, хватая что-то. Босая нога нѣсколько разъ беспомощно скользнула по корѣ, еще и еще разъ — точно хотѣла опереться. А потомъ и весь онъ упалъ съ самага верху большимъ, грузнымъ, живымъ зигзагомъ. Ломая вѣтви, срывая листья, и какъ-то странно вскидывая руками. И крикъ его взлетѣлъ, какъ большая, острая, испугнутая птица.

И вотъ сталъ онъ хромымъ.

Хромымъ Яни. А былъ раньше просто Яни — птицеловъ.

Теперь, когда онъ уже шестой мѣсяць въ городѣ у парикмахера Спанопуло — прошлое забыто. Просто: хромой Яни. И жизнь пришла новая, сложная, большая и отвѣтственная.

Да. Отвѣтственная.

Есть цѣлыхъ восемь сортовъ блестящихъ, тугихъ машинокъ. Есть ящикъ яркихъ, словно посеребренныхъ зубчатыхъ штучекъ, что надѣваются на машинки. Есть ножницы, и гребенки. Есть флаконы съ водой, вежеталемъ и пудрой. Да. Теперь нѣтъ старыхъ пуховокъ, а пудра летитъ мелкою пылью, если нажимать на резиновую грушу. Яни презираетъ народныя парикмахерскія на базарѣ, гдѣ нѣтъ такихъ грушъ и мажутъ по лицу старою ватой. Онъ проходитъ мимо этихъ сарайчиковъ и кривится.

Наше «куріонъ Спанопуло» въ центрѣ, и въ прошломъ году здѣсь брился самъ Армостисъ — намѣстникъ короля. Вотъ на этомъ креслѣ ближе къ окну. И потомъ, когда пріѣзжалъ редакторъ Луиджи, тотъ самый, да, да... тотъ самый, заявившій, что онъ эллинофиль и затѣмъ, послѣ второй статьи въ «Голосѣ Кипра», высланный. Яни слушаетъ разговоры и все знаетъ.

Это ужъ не шелковые силки и не тугая, серебристая, словно пресованная въ сахарномъ пескѣ, резина рогатокъ .

Только, вотъ — хромота... И хозяинъ часто кричитъ. И Костя — кривоглазый разсылный изъ большого бакалейнаго склада Бр. Бамбулось — смѣется зло и дразняще, открывая беззубый ротъ. Но почему? Если онъ стоитъ вотъ такъ, облокотившись о мраморъ умывальника, заложивъ ногу за ногу, то хромоты даже и не видно. Понятно, если бѣжать, то онъ качается, припадаетъ на одну ногу. Но кто-жъ въ этомъ виноватъ? Вѣдь гнѣздо уже было совсѣмъ подъ рукой и не скользни лѣвая нога...

Зеркала большія и ясныя. Лишь наверну они чуть поцарапаны, но туда Яни не лѣзетъ, онъ моетъ ихъ внизу, вставъ ногами на прилавокъ, а туда трудно достать. Зеркала большія и почти вся улица видна въ нихъ. Потому что дверей нѣтъ. То есть они были, но теперь вынуты и только въ январѣ и февралѣ, когда не очень жарко, вѣшаютъ старыя ковровыя занавѣси. А такъ весь Спанопуло открытъ, словно большая зеркальная бонбоньерка, блестящая и серебристая. И зеркало въ зеркалѣ, все отражается, — и вовсе это не Спанопуло, а большой, безконечный корридоръ въ зеркалахъ, мраморныхъ прилавкахъ и бѣло-розовыхъ матовыхъ хрустальныхъ склянкахъ.

Съ вечера уже все убрано и машинки почищены отъ упрямыхъ, острыхъ какъ иглы

мелкихъ волосъ. Стоитъ только подуть хорошенько. Понятно надо беречь глазъ. Мальчикъ у Георгіаду болѣлъ послѣ этого годъ. Вымыты мраморныя прилавки, разложены ножницы нисходящей плоской пирамидой по росту. Выровнены склянки. Вотъ бритвы только нельзя трогать, ихъ убираетъ старшій мастеръ Киро, сухой и злой, похожій на пресованную ящерицу. Это придумалъ самъ Яни, и въ самомъ дѣлѣ, никто Яни не ругалъ «дѣволе мавре» кромѣ злого Киро. И развѣ это называется убирать бритвы? Навалить ихъ кучей въ ящикъ. А потомъ, когда надо, приходится рыться, выбирать футляры. Вотъ если-бы Яни поручили, онъ не перепуталъ бы футляровъ. Нѣмецкіе съ нѣмецкими. Золингены всѣ отдѣльно, тамъ гдѣ два человекъ танцующихъ нарисованы. Потомъ, американскіе U. S. A., потомъ... И почему «дѣволе мавре» и хромою чертъ? Развѣ онъ виноватъ, что вѣтка погнулась? Никто, никто его такъ не называлъ. Наоборотъ всѣ жалѣли, а учитель Парикось подарилъ даже хрестоматію «Панкипріонъ». Если будетъ искать въ магазинѣ, дешевле двухъ шиллинговъ такой книги не найдете. И отецъ Христо такъ жалобно плакалъ, когда Яни принесли домой. И «митера» Марія гладила его. Пока онъ лежалъ, каждый день утромъ, давали ему сухую «максоматаки», бубликъ, осыпанный тминомъ и конопляной густой смѣсью. Плоской и круглой, какъ выпуклыя, бѣлыя его веснушки. Понятно сухой, но если мочить въ прозрачной холодной водѣ... попробуйте.

Стоитъ Яни съ утра у мраморнаго прилавка и смотритъ на улицу. Вотъ когда онъ такъ стоитъ, никто и не скажетъ, что онъ хромою. Просто заложилъ ногу за ногу. Развѣ такъ стоять нельзя? Рано еще и никого нѣтъ. Ящерица Киро только читаетъ вчерашнія телеграммы «а голубенькомъ, узкомъ листѣ и щиплетъ себѣ

усы. Больше щиплетъ, чѣмъ читаетъ. И морщитъ узкое, сухощавое лицо съ натянутой шафранно-зеленой пергаментной кожей. Развѣ не ящерица?

Проснулась только недавно улица, и, какъ сонныя вѣки, тяжело поднимаются желѣзныя жалюзи магазиновъ. Городъ понемногу открываетъ глаза. Кое гдѣ чуть прищуриваетъ ихъ, ибо все равно будетъ жарко и солнце будетъ сжигать и сознание, и воздухъ, и въ сухой недышащей листъ сворачивать людскія, безсильныя души.

Городъ, какъ ослѣпленное, извѣрившееся чудовище кое гдѣ лишь приподнимаетъ грузныя ставни, какъ набухшія, усталыя вѣки. Въ магазинахъ всегда полутемно. Да иначе и нельзя. Всѣ шелка Кипрскіе и платочки съ круглыми цвѣточками по краямъ, что вяжутся поверхъ фесокъ — все выцвѣло-бы. И соломенные шляпы изъ Марсея. И большіе ящики съ бисквитами изъ Ливерпуля. И то уже напротивъ, у Бамбулосъ, всѣ этикетки „Queen Mary“, что къ наружной двери прибиты, выцвѣли, еле видны.

Играетъ, какъ воздушно-серебряная просторная бонбоньерка, зеркальная комната Спанопуло. Рано еще. Всталъ на углу съ круглыми булочками «хулури» разносчикъ Эфдинъ. Сидитъ на тротуарѣ и поетъ что-то про себя. Извозчики ѣдутъ гуськомъ по единственной улицѣ, доѣзжаютъ до гостиницы Хури, снова поворачиваютъ, ибо въ кривыхъ, боковыхъ зигзагахъ не разминутся, а кому нужно идетъ нанимать ихъ на большую «Мегали Одосъ», самую широкую улицу. Такой нигдѣ больше на Кипрѣ нѣтъ. То есть, можетъ быть и есть просторнѣе, гдѣ нибудь въ Ларнакѣ или Лимассолѣ, но тамъ онѣ мертвыя. А «Мегали-Одосъ» можетъ быть и тѣснѣе, и безъ бульвара, зато живая и самая главная. Первая улица Кипра.

Да. Многому можно научиться, если служить мальчикомъ у Спанопуло. Недаромъ это самый большой магазинъ. Въ другихъ-то и служить-бы не стоило. Не у турокъ-же въ самомъ дѣлѣ и не на базарѣ наниматься.

Яни спитъ тутъ-же за перегородкой. До сихъ поръ, когда онъ засыпаетъ, онъ вспоминаетъ сѣрыя, высохшія поля. Каменные куропатки, быстренькія, бѣгавшія нервными зигзагами, словно потерявъ голову, были всегда за скалами. А «мелиссофаги» съ большимъ, серьезнымъ, задумчивымъ клювомъ и пестрой, шелковой грудкой — сидѣли у дорогъ и заборовъ. Ближе къ огородамъ и особенно къ ульямъ. Потому то они «медоѣдами» и названы. Однажды онъ переломилъ рогаткой крыло и цѣлый мѣсяць шелковая грудка жила у нихъ на дворѣ у колодца въ ящикѣ изъ подъ макаронъ. Яни помнить и ящикъ этотъ, и влажный, похожій на зеленый бархатъ, мохъ на колодцѣ. Бархатъ вырванъ кусками и виситъ клочьями внизъ. Похоже на то, что кто-то пробовалъ краски и развѣсилъ сушиться рваныя тонкія куски промокшаго бархата. Все помнить Яни. Резинки тоже были разныя. И черныя, которыя онъ обмѣнялъ у мальчика Филакту и новыя, сѣрыя, купленныя у почтоваго шоффера Ставринаки. Натянешь резину и играетъ она въ рукахъ упругая, словно живая. Нѣтъ. Все таки было лучше дома. Яни подворачиваетъ короткую ногу къ стѣнѣ, подтыкаетъ ее одѣяломъ, такъ что она лежитъ словно на подушкѣ. И думаетъ. Можно, если черезъ пять лѣтъ добыть деньги, купить три машинки и зеркало и все что нужно и открыть въ своей деревнѣ Кала-Панайота хороший магазинъ. Можно даже написать: «прослужившій пять лѣтъ у Спанопуло въ Никозіи». Впрочемъ и черезъ пять лѣтъ онъ будетъ еще маленькій. А жалко, можно бы кормить Христо и «мѣтера». Незачѣмъ имъ ѣздить въ лѣсъ за

хворостомъ, рвать его съ корнями и возить потомъ въ городъ на продажу какъ топливо. Хорошій, сѣдой, серебристый, мохнатый хворостъ. Онъ нашелъ тамъ одинъ разъ гнѣздо невѣдомыхъ птицъ. Сѣрокаменныхъ, большихъ, съ чуть закругленными клювами. Ходили они какъ-то странно, точно разборчивыя, презрительныя принцессы, отряхиваясь на ходу, очищаясь, чуть покачиваясь снисходительной, небрежной походкой. Удивительныя птицы. И перья тоже чуть сѣрыя, серебристыя, но потемнѣвшія. Совсѣмъ, какъ низкій сѣрый кустарникъ съ бахромой сѣдыхъ курчавыхъ катышковъ. Потому ихъ и трудно было поймать. Ничего не было видно. Но онъ разложилъ шелковый, новый силокъ — самъ спрятался за выступомъ у дуба, того самого, который разбитъ грозой надъ бывшимъ русломъ Панаіоты и, зажмурившись... Послѣ этого Яни спитъ долго безъ сновъ. Иногда только ему кажется, что онъ бредетъ своего отца Христо или злого Киро. Тогда бритва пляшетъ у него въ рукахъ, въ глазахъ темнѣетъ и въ горлѣ сжимаются дрожащія напряженныя жилы. — «Будешь еще ругаться? А? Діаволе мавре?». Киро видитъ, что Яни сейчасъ его зарѣжетъ, бьется и зеленѣетъ на креслѣ. Совсѣмъ какъ ящерица. Вотъ онъ скользитъ уже, блестя панцирной чешуей съ кресла, мимо колодца и въ кустарникъ. «Постой», думаетъ Яни и натягиваетъ тугую, черную резину. «Постой». Изъ подъ хвороста выбѣгаютъ съ оранжевой, похожей на закатныя тучи, шелковой грудкой невѣдомыя птицы и разбѣгаются по полю. А запахъ такой, точно кто разлилъ вежеталь или хинную воду изъ большой склянки съ подбитымъ горлышкомъ. Кто-бъ это могъ разлить? А если Спанопуло увидитъ? Яни вертится во снѣ и подгибаетъ еще больше больную короткую ногу. Еще больнѣе становится. И ящерица Киро бѣжитъ за нимъ съ большой машинкой номеръ

ноль. «Сейчасъ. Погоди». Киро злобно смѣется. «Я тебѣ обстригу сейчасъ всю кожу». И ножницы длинныя, какъ узкая морда стального уroda, хватаютъ его за ухо. Онъ кричитъ и просыпается. Это его будить злой Киро и дереть за ухо и опять кричитъ «дѣволе мавре». За что? Нѣтъ, у колодца съ зеленымъ плюшемъ было лучше. Какъ тамъ не говорите.

Еще нѣтъ семи, когда приходятъ, торопясь на базаръ или къ открытію магазиновъ, первые посѣтители. Вамъ кажется это просто: «подай воды», «принеси полотенце», «сбѣгай за кофе». Вамъ кажется, что всѣ посѣтители, это общая масса, одинъ за другимъ. Кто бреется, а кто стрижется. А кто и то, и другое. Нѣтъ. Это не такъ. Учится здѣсь хромой Яни, бывшій птицеловъ, большой и тайной наукъ жизни. Ни въ одной книгѣ эти правила не напечатаны, ни въ одномъ руководствѣ не значатся. Изъ маленькихъ бытовыхъ кусочковъ, острыхъ наблюдений, ежедневныхъ повторений складывается эта наука. Гдѣ напечатано что учителю Кириакидесу надо всегда подавать телеграммы немедленно, какъ только онъ усѣлся? Иначе онъ будетъ недоволенъ. А что аптекаря Евангелу надо обмахивать плетенымъ вѣеромъ и старшему Томасу изъ музыкальнаго магазина надо приносить стаканъ свѣжей, прозрачной воды?

Сидитъ Яни въ углу. Острая морда его, какъ у мышенка, уткнулась въ колѣни, и глаза двумя круглыми громадными провалами сосутъ жизнь. Всякую пушинку, всякій волосокъ, каждое пятнышко. Все видятъ. И немудрено. Бывало, еле шевельнется сѣдая, серебристо-курчавая вѣтка кустарника — надо быть насторожѣ. Иначе помчится вспугнутая птица по сѣрому мохнатому полю — каменнымъ, быстрымъ комкомъ, пропадая въ оврагахъ и взмываясь съ хлопотливымъ шуршаніемъ надъ острымъ терновымъ кустарникомъ. Все надо было видѣть.

И также сидѣлъ онъ за кустомъ, замеревъ, припавъ острой мордочкой къ мшистому знакомому камню и двумя черными точками, какъ узкіе, бездонные и волшебные колодцы, всасывалъ въ себя всю жизнь. Вотъ нагнулись почему-то сухія травы слѣва, за камнемъ. Нѣтъ, это вѣтеръ. Вотъ блеснуло что-то змѣйковой солнечной запятой, точно смѣхъ всплеснулся, надъ скалою направо. Ящерица. Но почему-жъ такъ свѣтло? Яни чуть поворачиваетъ голову. Видно, что лиловыя закатныя тучи, — легшія на покой тяжелой, просторной громадой, — разорваны по срединѣ. И межъ нихъ подсматриваетъ послѣдній разъ на вечернюю землю побѣжденное, оплывшее солнце. Звенѣло, звенѣло оно, бѣлымъ безуміемъ жгло землю, и горѣло долгимъ, протяжнымъ зноемъ, какъ раскаленный пузыристый мѣль. Само задыхалось, замирало безъ дыханія отъ собственной злобы и зноя и остраго звона невидныхъ милліоновъ солнечныхъ кузнечиковъ. Кончилось бѣлое неистовство. Праздникъ злобы. Пришли часы человѣческіе, кроткіе, прощенные. Оплывшимъ, некруглымъ глазомъ смотритъ солнце сейчасъ чрезъ провалъ лиловыхъ, отяжелѣвшихъ вечернихъ тучъ. Само тяжелое, желтой мѣди. Какъ набухшія вѣки и мѣшки ложатся подъ нимъ и надъ нимъ густыя полосы — усталости. Вечернею жидкою позолотой, какъ бронзой, тронуты въ послѣдній разъ округлые выпуклости скаль, точно каменные лбы хитрыхъ гигантовъ, спрятавшихся въ землю и уставившихся оттуда. Чуть пролита бронза и на рожковья деревья. И на дымное потемнѣвшее серебро сѣдого курчаваго хвороста. Вечеръ. Вотъ тогда и начинаютъ перебѣгать вдоль дорогъ хлопотливые «долгоносики», качая головой на ходу. Словно что-то случилось, бѣда или горе, и они бѣгутъ подѣлиться другъ съ другомъ. Вспархиваютъ, — должно быть, чтобъ покрасоваться въ закатной бронзѣ шелко-

вистыми нѣжно-красными и желтыми грудками лакомки - «медоѣды». Даже жуки и тѣ озабоченно вылѣзаютъ на каменные лбы. Тянутъ какую-то хворостинку и, зацѣпившись маленькой клешнею ноги за мохъ, вертятся на мѣстѣ. А гиганты подѣ землей, выставивъ округлые лбы на закатное солнце и не чуютъ бѣготни и жизни по морщинамъ своимъ. Спятъ. Или думаютъ. И все время не могутъ чего-то понять. Закатывается большой оплывшій глазъ полуденнаго знойнаго кутилы. Точно дѣйствительно зрачекъ умирающаго, катящійся въ небытіе. Еще больше стынуть и темнѣютъ густой, чернильной лиловостью закатныя тучи. Какъ бархатъ на катафалкѣ чьей-то пышной смерти. По краямъ далеко надъ моремъ кто-то мажетъ на секунду невидимой кистью червонную бахрому. Чьи-то вѣки слипаются, мигаютъ на секунду огненными и мгновенно засыпающими глазами. Все тухнетъ. Лиловый катафалкъ стоитъ недвижный и пышный. Солнце умерло. И наверху прозрачной, серебристою кисеей спускается прохладный балдахинъ, прибитый къ небу блѣдными, мерцающими шляпками. Первыми вечерними звѣздами.

Яни вздрагиваетъ. Пора домой. Больше ужъ никого не подстрѣлишь. Да и кого вообще можно поймать, если такъ смотрѣть по сторонамъ и впивать въ себя небо и камни, и хвостъ, всю жизнь? Сколько «медоѣдовъ» и «долгоносовъ» пропустилъ такъ Яни. Дѣлать нечего. Ему нужно было слушать, что говорить вечеръ.

Вотъ также, какъ онъ теперь слушаетъ, что говорить городъ. Къ двѣнадцати работы меньше и Яни не надо, ковыляя и качаясь, какъ упрямая мачта утлой лодчонки на быстрыхъ, равномерныхъ волнахъ, — бѣгать за кофе и за водой или подносить мохнатыя полотенца и никелированные чашки съ дымящейся, горячей водой.

Тихо. Хорошо, что Спанопуло не на солнечной сторонѣ, не надо спускать полосатыхъ матерчатыхъ щитовъ, какъ у Клеопаса. И вся зеркальная шкатулка съ банками, склянками и большою одеколонной и помадной витриной, пестрой, богатой и нарядной — вся на лицо. Прошли туда, дальше къ базару съ большими, качающимися мѣдными грушами разносчики лимонада. Надъ грушей — висюльки, бубенцы и нитки блестящихъ уличныхъ бусъ. Прошли, качаясь, и разрѣзали воздухъ, — густой недвижный и горячешный, — тонкими льдистыми лезвіями крика: «Лѣмонэдъ!». А гдѣ мороженщики? Должно быть, разошлись по столовымъ, стоятъ у открытыхъ входовъ, какъ близъ сводчатыхъ, просторныхъ сараевъ — и порою кричатъ всѣмъ этимъ жующимъ и стучащимъ ножами и вилками: «Пагато». «Шоно мета гало» («Ледъ съ молокомъ»). Накладываютъ въ рюмку, забирая чуть желтый, кремевый снѣгъ тупою лопаткой и холодными ломтиками, словно обтирая совокъ о стеклянный край, набиваютъ горку съ маленькими игрушечными снѣжными ухабами, провалами и бахромой. Все на два піастра, и четверть рюмки, если попросить. Понятно, можно взять «миси» поль-порціи. Но меньше ужъ не дается. И только Мустафа накладываетъ въ тѣ дни, когда дастъ кто-нибудь начай. Напримѣръ, русскій докторъ, открывшій клинику на окраинѣ или русскій инженеръ, дѣлающій спиртъ у Яковидеса. Да, большей частью русскіе даютъ начай. Все видитъ Яни, на все зорко и пристально смотритъ. Кричитъ на него иногда Спанопуло, но въ общемъ, должно быть, доволенъ, ибо каждый шорохъ, шелестъ и трепетъ жизни вокругъ понимаетъ Яни. А въ чемъ жизнь заключается? Надо такъ броситься съ коробкою спичекъ къ адвокату Паскалису, чтобы онъ не успѣлъ вынуть своихъ. Онъ одинъ только, когда садится, сейчасъ - же

закуриваетъ, и бреетъ его самъ хозяинъ. Паскались скажетъ: «харисто» — «спасибо», и хозяинъ скользнетъ взглядомъ по Яни. И Яни видитъ: хозяинъ доволенъ. Инспекторъ гимназїи Алкидесъ не любитъ мохнатыхъ полотенецъ. Ящерица всегда это забываетъ. Яни даетъ ему время ошибиться, и самъ бросается, нырнувъ хромымъ шагомъ, наискосокъ съ гладенькой ярко-бѣлой салфеткой. Пѣридесъ любитъ кофе. Русскій со шпорами всегда разсматриваетъ картинки. Надо подать журналъ. Кассиръ Савидесъ любитъ, чтобъ ему чистили аккуратно и медленно фетровую шляпу. Плавными круглыми оборотами щетки, не торопясь. Онъ смотритъ въ зеркало и видитъ сзади себя Яни. Скосивъ глаза и прикусивъ языкъ, Яни медленно чиститъ ленту, точно гладитъ перышки «мелиссофага», нѣжныя, пуховыя, оранжевыя. И хозяинъ доволенъ. И Савидесъ доволенъ. Понятно, никто этого не говоритъ. Но развѣ это не чувствуется? Стоитъ только прищуриться душой, почуять правду. Тогда, вѣдь, каждый шорохъ въ кустарникѣ и шелестъ средь листьевъ слышенъ. Одинъ разъ какъ-то не понялъ онъ говора листьевъ, и темной угрозы сучьевъ и предательской, скользкой коры.

Какъ онъ могъ не понять жалобнаго скрипа слабой, податливой вѣтки? Вѣдь она предупреждала его, что ступать всей ногой не надо. А потомъ до сихъ поръ помнитъ онъ царапанье голой ступни по струпьямъ чешуйчатой коры, замирающее въ комокъ сердце и страхъ, забившій вдругъ носъ и горло и уши. Нѣтъ, здѣсь, въ городѣ лучше. Гораздо лучше. Онъ продолжаетъ обтирать ленту на фетровой шляпѣ, медленно, точно гладитъ птичью, перистую грудку. И Савидесъ доволенъ. Пускай не дастъ бакшиша. Здѣсь почти никто не даетъ. На Пасху развѣ только и еще адвокатъ Теми-стосъ никогда не беретъ сдачи за кофе. Но,

вѣдь, это исключеніе... Онъ кончилъ чистить, и стоитъ у мраморной доски подъ самымъ шкафомъ съ мыломъ, духами и пудрой — гдѣ лиловыя, оранжевыя этикетки и розовыя бутылки говорятъ о богатствѣ и пышности хозяина Спанопуло. Если такъ вотъ заложить ногу за ногу — только, чтобъ, понятно, не двигаться, — то совершенно не видно, хромой онъ или нѣтъ. Онъ весь сощурился внутри и насторожился. Вотъ если сдѣлать одинъ шагъ здоровой ногой и подтянуть умѣлымъ броскомъ незамѣтно и безъ шума короткую, то онъ сразу очутится близъ кресла съ фетромъ въ рукѣ. Развѣ это трудно рассчитать? Бывало, чтобъ не дать сразу выпорхнуть птенцамъ каменной куропатки приходилось въ два прыжка, обогнувъ кустарникъ, бросаться на грудь или сидѣть замеревъ межъ вѣтвей, слившись съ корою. Качаться и отдаться жизни вѣтра и дерева, только чтобъ не чернѣть на суку мертвымъ и грузнымъ пятномъ, пугая зоркихъ, недовѣрчивыхъ птицъ. Нѣтъ, онъ сливался съ деревомъ. Оно качалось и онъ качался. Оно шелестѣло и онъ, должно быть, шелестѣлъ. Что-то несвязное, закрывъ глаза, забывъ все, слитый съ корою, невидный, растворившійся въ жизни. Кто научилъ его этому? Кто — — неизвѣстно. Воздухъ, деревья, небо, сами птицы. Какъ все просто за то было здѣсь въ городѣ; шорохи были грубѣе, дрожь и людскіе шелесты улыбокъ, взглядовъ и мыслей — еще понятнѣе. Словно въ лѣсу и средь сѣдыхъ, серебристыхъ кустарниковъ своихъ — жилъ Яни межъ людей. Гдѣ, казалось, ему раньше было столько загадокъ и гдѣ все было такъ просто, ясно и грубо. Стоитъ только зорко взглянуть. — Яни поводитъ носомъ, какъ острая, настороженная мышь, втягиваетъ въ себя воздухъ и смотритъ. Словно двумя черными, бездонными присосками сосетъ жизнь. — «Не пучь глазища, діаволе

мавре!», кричитъ Киро. «Щипцы давай, хитрый чертъ!»

А почему — хитрый? Все такъ просто, такъ ясно, стоитъ только посмотрѣть.

И дѣйствительно, Савидесь кончилъ бриться. Поговорилъ о Венизелосѣ и послѣднемъ отступленіи турокъ. Оба, — онъ и хозяинъ, — посмѣялись гордо и довольно. Яни подскочилъ именно тѣмъ разсчитаннымъ шагомъ и сразу очутился у кресла, чуть держась за него. Опять нельзя было сказать, хромой онъ или нѣтъ. Савидесь продолжалъ смѣяться, такъ ему понравился разговоръ съ хозяиномъ. Онъ протянулъ руку за фетромъ, сощурилъ глаза и полѣзъ въ жилетъ. Яни себѣ не вѣритъ: онъ получилъ сегодня полъ-піастра, «міа икосара». Значитъ заслужилъ. Заработалъ. Вторымъ, быстрымъ и упругимъ прыжкомъ онъ очутился у входа и далъ дорогу. Не съѣсть-ли мороженое? Онъ высунулся на улицу. Мустофы не слышно.

Всетаки въ городѣ лучше. Яснѣе и проще. И даже съ Киро — да, даже съ зеленой ящерицей можно работать. Гдѣ-то у Яни внутри уже шевелятся, какъ новорожденный ежикъ, острыми и злыми иглами какіе-то шипы, даже противъ Киро. Онъ щурится и о чемъ-то думаетъ. Да, онъ слышалъ: хозяинъ недоволенъ ящерицей, когда тотъ по воскресеньямъ напивается анисовой «зуккой». Хозяинъ ворчалъ и говорилъ что-то о новомъ мастерѣ, котораго можно пригласить изъ Ларнаки. Вотъ, если-бъ напоить его, что-ли, нарочно, чтобъ онъ попался на глаза Спанопуло? Дать ему бутылку, двѣ, пять — густой, тягучей, лаковой «командаріи», миндальной словно молочной «мастики» или терпскаго, вяжущаго «мавро-краси». Цѣлую бочку! Чтобъ Киро разбилъ зеркала, сломалъ шкафъ, раскидалъ духи и помаду и чтобы хозяинъ вмѣстѣ съ заптіями въ фескахъ и съ

самимъ полицейскимъ инспекторомъ Карекласъ били его по спинѣ и плечамъ ножками сломанныхъ кресель. А для этого надо начать понемногу угощать его рюмкой, другой, незамѣтно, чуть-чуть. Яни сощуривается и прижимается къ притолкѣ. Затѣмъ надо улыбаться, не подавать виду и приносить бутылку, другую, все тихо, безшумно. Онъ перебираетъ пальцами, словно ставитъ силки. Напрягся, какъ прямая пружина, застылъ у двери.

Нѣтъ, въ городѣ рѣшительно лучше. И все такъ ясно, такъ просто и рѣзко. Стоитъ только во время подсѣчь синокъ. А говорятъ про него «хитрый Яни». Чѣмъ хитрый? Просто все видно, все чувствуется, все слышится; шорохи, трепеты, шелесты. Простая жизнь. Совсѣмъ какъ въ лѣсу или средь сѣдыхъ, мшистыхъ, серебряныхъ вѣтокъ знакомыхъ кустовъ. Такъ просто.

Къ полудню надо принести хозяину обѣдъ. Яни любитъ ходить въ столовую. Ходитъ онъ долго съ тарелками и не торопится. Все выбираетъ. Такъ непохожа кухня на глиняный таганъ въ деревнѣ. Не то что одна фасоль бѣдной «митера» съ прозрачными, плавающими, какъ плоскія листья по водѣ, пятнами масла «лади». Всѣ толпятся въ столовой у плиты, гдѣ въ кирпичныхъ, словно игрушечныхъ клѣтушкахъ изъ кубиковъ тлѣютъ головешки сѣраго горкой съ сѣдою золою. А надъ кирпичиками стоятъ большія мѣрные чаны. Чего тутъ только нѣтъ? Яни выбираетъ долго, кладетъ голову на бокъ, поводитъ носомъ и сосетъ глазами, всю жизнь, все вокругъ, какъ жадными, бездонными колдцами. Видитъ все. И пузыристый, смолистый, тяжелый жиръ бараньей «тава» съ полукруглыми, обмякшими чашками развареннаго лука. И зарумяненное острой, твердой и хрупкой загорѣвшею коркою «арни росто», жареное, съ упрямою ножкой, словно нарочно запеченной

внутри. И маленькія, пухлыя, словно надувшія щеки, «тефтели». И «костелетта» плоскимъ и вялымъ мяснымъ листомъ легшія на желѣзныя полосы жаровни. Самъ Патсаллидесъ, бывшій двадцать лѣтъ поваромъ у намѣстника и сейчасъ хозяинъ столовой, машетъ надъ жаровней кускомъ картона и угли оживаютъ, загораются какъ глаза и чешуи саламандръ безпокойнымъ огненнымъ мерцаніемъ. Словно золотыя бляхи проступаютъ вдругъ на угляхъ и потомъ съ неслышнымъ свистомъ вытягиваются струйки синяго пламени съ желтой каймой. А потомъ ужъ просто бѣлый огонь пляшетъ по жаровнѣ, то спадаетъ, то качается и накипаетъ текучей безпрестанно мѣняющей огнистый рельефъ горкой. Не то колдовская жидкость, не то волшебныя складки пламенной ткани. Яни вспоминаетъ: лѣсной пожаръ былъ, и сѣдой хворостъ также горѣлъ. Пляшущими лоскутьями. Переливами, текучими склонами волшебной пламенѣющей жидкости. Огонь повсюду одинаковъ.

— Ну что - жъ, ты берешь что-нибудь? Самъ Патсаллидесъ сердится. Онъ переминается съ ноги на ногу надъ двадцатью чеканными, просторными чанами и разливаетъ и сливаетъ, какъ колдунъ, волшебный «магось», о которомъ рассказывала мама «митера». И какъ это только онъ умѣетъ отмѣривать, сколько подливки, картофеля, соуса, «лувія» и бараньяго мяса нужно, чтобы получилась цѣлая порція и какъ нужно играть ложкой, сбавляя и сливая, чтобы дать половину «миси»? Какъ въ аптекѣ, но безъ гирекъ и вѣсовъ раздаетъ Патсаллидесъ точныя, вывѣренныя старымъ глазомъ порціи. Если кому кость попала, значить на другомъ прибавка будетъ.

Стоитъ Яни, смотритъ, склонивъ голову на бокъ и не торопится. Потомъ беретъ половину жирной, густой въ темно-янтарномъ и смолистомъ тяжеломъ наварѣ «тавы»; красный,

словно фуксиномъ пропитанный, помидоръ, раз-
рѣзанный и сочный и свѣжій «псоми» — хлѣбъ
съ золотистой, темнѣющей коркой. Онъ несетъ
обѣдъ по улицѣ и смотритъ вокругъ зорко и
пристально. Все видитъ. Видитъ, что всѣ почти
уже поѣли и въ городѣ — въ самые жаркіе
часы — наступаетъ сонный, заколдованный пе-
рерывъ. Солнце уставилось въ неистовомъ бе-
зуміи въ землю, смотритъ не спуская сумасшед-
шаго, пламеннаго глаза. И замираетъ жизнь,
притихаетъ, сворачивается. Вотъ у столяра Ка-
руана только что всхлипываль, объѣдаясь смуг-
лыми стружками, рубанокъ, вонзаясь въ темныя
доски орѣха. Хлопотали курчавые мальчики,
свинчивая большими желѣзными рамами свѣже
проклеенный диванъ. А теперь словно кто взмах-
нулъ волшебною палочкой. Лежатъ мальчики
тутъ-же на каменномъ полу, словно ихъ кто ри-
совать собрался, раскинутые, живописные, лох-
матые. И спятъ. Муха ползетъ у самага рта,
чуесть, что недавно кто-то ѣлъ маслянистую па-
хучую фасоль. Безпокоится муха и къ чему-то
готовится, чиститъ лапки. Но открытъ безмя-
тежно ротъ. Не дрогнетъ. Не сомкнется. Все
видитъ Яни жадными, круглыми, какъ узкій ко-
лодець глазами. Даже странно. И къ тому-же
надо-бы скорѣе идти и нести обѣдъ. Засыпаетъ
вокругъ улица. Бакалейщикъ Шелишъ надѣлъ
длинный балахонъ «хаки» и сидитъ, прислонивъ
голову къ каменной стѣнѣ, рядомъ съ оливами
и пирамидой португальскихъ сардинъ въ коро-
бочкахъ, скрытыхъ каждая пергаментной, пе-
строй, красно-синей обложкой. На столѣ коря-
вые куски козьяго «халуми» съ влажной, густой
каплей на тугомъ прессованномъ сгибѣ. На
полу огородная зелень раздувшихъ пухлыя
щеки арбузовъ и сладкій зеленоватый загаръ на
застѣнчивой желтизнѣ у дынь. Кривые, словно
въ корчахъ, кабачки. И еле вылупившійся изъ
зеленаго лопнувшего футляра озорной, надув-

шійся перецъ. На длинномъ складномъ стулѣ спить сосѣдъ, портной Павелъ, дипломированный «емпорораптисъ». Начатая жилетка съ большими бѣлыми стежками перекинута чрезъ спинку стула. Все ждетъ, чтобъ прошли часы оцѣпенѣнія. И грачъ, ученый Клепси, у портного стоитъ на полу близъ утюга въ тѣни. Поджалъ ногу и закрылъ одинъ глазъ. Другимъ смотритъ на Яни. Удивительно. Неужели онъ подозреваетъ, что Яни былъ птицеловомъ? Быть не можетъ. Но зачѣмъ же онъ закрылъ одинъ глазъ и такъ молчаливо смотритъ вторымъ? Станный грачъ. Умиѣ другихъ птицъ. Надо будетъ другой разъ зайти къ Павлу поиграть съ грачемъ. А въ кондитерской у Алонефтиса такая прохлада. Даже съ улицы видно. Спущены оконныя многошарнирныя вѣлки; въ тѣни каменные квадраты пола. А въ шкафахъ горкой стоятъ круглыя пирожныя, «гликисмата», плоскія миндальныя лепешки и отдѣльно на большихъ мѣдныхъ противняхъ жирная, турецкая, нарѣзанная ромбиками — «паклава». Слоистая, глянцеваая, съ поджаристымъ румянцемъ на верхней, тоненькой и хрупкой коркѣ. У Алонефтиса будто-бы «паклава» не хуже чѣмъ въ самомъ Бейрутѣ. Такъ говорилъ агентъ Джеролемо, что бредетъ черезъ день и бываетъ часто въ Сиріи. Одинъ только разъ на Пасху съѣлъ Яни такой ромбикъ. Чаше нельзя. Не подступиться: полтора піастра. И съ тѣхъ поръ онъ знаетъ, что во рту отъ ромбика вязкій и жирный вкусъ, на зубахъ твердые, мелкіе кусочки крошеннаго миндаля и на языкѣ ощущение ломающихся хрупкихъ, сладкихъ слоевъ. Словно лакомая слюда. Гнется, трескается, ломается и таетъ. Да. Хорошая была «паклава» на Пасху. Подъ шкафомъ съ пирожными стоятъ фигурныя, затѣйливыя банки, а въ нихъ матовые, золотые и тяжелые серебряныя шарики. Словно большая «царская» дробь для сказочныхъ королевичей. Но напрасно вы

попросили бы себѣ полъ - «ока» этой круглой увѣсистой дроби. Это не конфеты. Ихъ здѣсь не ѣдятъ. И только, когда въ домѣ покойникъ, пекутъ пирогъ и поверху выкладывается прощальный узоръ тяжелыми золотыми и серебряными шариками. Мертвыми и не-съѣдобными. И пирогъ никто не ѣстъ. Послѣднимъ фестономъ, позолоченнымъ бордюромъ и серебряными акантами разложены по пирогу письма жизни о смерти. Тоска смерти о недоступной уже жизни. Несъѣдобные шарики. Яни видѣлъ такой пирогъ, когда умеръ учитель Парикось. Зачѣмъ эти шарики? И если ихъ ѣсть нельзя, зачѣмъ они кладутся? А если дѣлается для умершаго пирогъ, почему его ѣсть нельзя? Яни не любитъ мертвыхъ. Онъ закрываетъ глаза и чуть трясетъ головой. Отгоняетъ мысли объ учителѣ Парикосѣ. Спасибо ему: онъ подарилъ хрестоматію. Но потомъ умеръ, т. е. сдѣлалъ что-то нехорошее. Яни не жалѣетъ, онъ просто «этого» не любитъ. А можетъ быть въ такомъ безсознательномъ отталкиваніи мертваго — великая правда простой и немудрящей природы. Словно листья покрываютъ ворохомъ упавшую, мертвую птицу и никто не жалѣетъ и не плачетъ. Такъ и человѣкъ умершій просто не нуженъ больше и покрывается осеннимъ ворохомъ сухихъ, надгробныхъ листьевъ. Былъ и нѣтъ. А разъ нѣтъ, значитъ не нуженъ. Мертвый. Пустой. Ноль. Ибо важна одна только жизнь, краски, запахи, шорохи, тѣни, солнце, говоръ, звонъ, движеніе — безпокойная пляска. Пока бѣгаетъ «медоѣдъ» съ разноцвѣтной шелковой, облитой съ палитры, грудкой — видно, что онъ ходитъ, кивая самъ себѣ на ходу головой. Словно повторяя урокъ или запоминая одну и ту же трудную скороговорку. Удивительная птица. А когда лежитъ мертвый «медоѣдъ», то онъ ужъ не «мелиссофагъ», и не птица, — а ничто. Забытый ноль. Ибо въ мя

не ждетъ и жукъ, озабоченно ползущій на темную, мертвую оперенную горку важнѣе и нужнѣе Богу. Онъ живъ. Можетъ быть такъ Яни и не говоритъ, но онъ думаетъ это и чувствуетъ. Всѣми порами, ушами, глазами, ноздрями онъ впитываетъ, вбираетъ, всасываетъ въ себя жизнь. Все что движется, дрожитъ, мерцаетъ, шелеститъ. Не даромъ Яни былъ птицеловомъ. И слушалъ и ждалъ безконечными часами скрытые, неродившіеся, грядущіе шорохи. Наступающіе миги. Нависающіе шелесты.

Уже къ четыремъ всѣ отдохнули и рубанокъ снова всхлипываетъ и давится смуглыми стружками. Мальчикъ Христо на корточкахъ разводитъ густой, тягучій клей для досчатыхъ стульевъ. И самъ столяръ Каруана разжимаетъ желѣзные рамы съ уже скрѣпленнаго дивана. На углу улицы при поворотѣ въ боковой узенькій переулочекъ сидитъ дочка столяра Ванда — худая и простоволосая. Иногда вздрагиваетъ и смѣется вслѣдъ проходимъ хитро и блаженно. Она сошла съ ума, когда ея женихъ нашель себѣ другую, — богатую дочку гробовщика. Съ тѣхъ поръ Ванда сидитъ на самомъ углу и смѣется, поднявъ брови, смотря внутрь себя. Чему-то свѣтлому и желанному смѣется, что знаетъ она одна только. Яни всегда пристально смотритъ на нее. Можетъ быть это единственное неясное, не входящее въ стройную сѣть жизненныхъ петель. Странная, бьющаяся рядомъ плѣненная птица, со свисшимъ крыломъ, чужая мысль, которую не поймашь силкомъ. Не дается. Сидитъ настороженно. Поетъ что-то. Не любитъ это Яни и не хочетъ смотрѣть.

Опять стало больше работы къ пяти часамъ. Пришелъ озабоченный докторъ Гликисъ. Брился, жаловался хозяину, что мало больныхъ. Какъ все это понятно: хозяинъ часто посылаетъ къ доктору пріѣзжихъ и что-то получаетъ за это.

Яни самъ видѣлъ однажды, какъ «іатросъ» платилъ. Докторъ сидитъ почти напротивъ, въ аптекъ своего брата; туда приходятъ хромые, отекишіе, опухшіе и повязанные крестьяне. Большой складчатый хвостъ похожій на тяжелый матерчатый курдюкъ съ мелкими сборками — вмѣсто узкихъ городскихъ брюкъ. Уже издали по этимъ волнистымъ, висящимъ сзади складкамъ можно узнать пришедшаго изъ деревни. И Яни вспоминаетъ родную Панаіоту — медлительные часы и неторопливыя бесѣды. Собравшіеся въ кружокъ въ тяжелыхъ чоботахъ со свисающими, матерчатыми хвостами-сосѣди. Священникъ въ черной, похожей на форму для пасхальнаго кулича, высокой круглой скуфьѣ проѣзжаетъ медленно на ослѣ. За огородомъ вечеръ вставляетъ межъ лѣсомъ, въ просвѣтахъ рожковыхъ деревьевъ куски матовой эмали. Это стынеть ровной и гладкой отборной посудой вечернее небо. Озабоченно, что-то рассказывая себѣ самому на ходу, идетъ по дорогѣ долгоносикъ. «Боже мой! что случилось, что случилось. Надо пойти всѣмъ рассказать». Вотъ что говоритъ онъ, качая при каждомъ шагѣ головой и куда-то торопясь. Удивительная птица. Вѣдь не позовешь, не окликнешь. Не повернется. Идетъ куда-то, машетъ головой при каждомъ шагѣ, не поворачивается. «Боже мой! Боже мой! какія дѣла пошли. Ну, и времена». О чемъ онъ хочетъ рассказать и кому? Яни, когда вспоминаетъ, самъ дѣлаетъ головой озабоченныя, хлопотливыя движенія, не смотря по сторонамъ и выступая быстро. Словно торопится куда-то. Непохоже только, потому что Яни хромаетъ, а долгоносикъ, какъ чей-то исполнительный секретарь, послушный и знающій, что его одобрятъ, идетъ пряменько и мотаеть что-то про себя: «Господи! поспѣть-бы!» Яни дѣлаетъ два шага, качнувъ бедромъ и ныряя куда-то короткой ногой, и машетъ головой.

Нѣтъ. Тамъ въ Панаіотѣ было куда лучше. Куда лучше. Не сравнить съ городомъ.

Вечеръ. Съ глухимъ трескомъ закрываются шарнирные ставни и внизу у панели, какъ на мордникъ, надѣваются тяжелые, большіе замки. Слѣпнетъ улица, повсюду огромныя бѣлмыя захлопнутыхъ ставень и спущенныхъ жалюзи. Лишь кондитерская на углу открыта и замигалъ оттуда сперва слабо, щурясь, по доброму и пуская вокругъ желтые лучики, словно морщины вечера — свѣтъ керосиновыхъ лампъ. У Спанопуло горять калильные колпаки. Ихъ заправляетъ, чиститъ и накачиваетъ какимъ-то смѣшнымъ короткимъ насосикомъ самъ Спанопуло. Дотрагиваться нельзя. Издалека видно, горитъ зеркальная открытая комната и бросаетъ широкую простыню свѣта на улицу. Всѣ теперь бреются и стригутся: и изъ банка, и изъ почты, и даже изъ англійской канцеляріи, приходитъ самъ полицейскій инспекторъ Карекласъ съ ремнемъ черезъ плечо и скоблитъ ему Киро сухое, обожженное на солнцѣ лицо. Хозяинъ рассказывалъ, что Карекласъ былъ раньше простымъ «заптіемъ» въ деревнѣ — городовымъ, — но, вотъ, подите, дослужился. Сьумѣлъ понравиться англичанамъ. Яни стоитъ за его кресломъ, всматривается въ глубокія продольныя морщины, похожія на вѣчную гримасу строгости и презрѣнія и тихонько за кресломъ также вытягиваетъ лицо, въ длинную сухую маску. Около морщинъ, какъ черныя большія точки, растутъ круглые, словно глубоко забитые въ кожу, кусочки проволоки — странные волосы, бреешь ихъ, а они остаются. Широкіе какіе-то Киро двѣ бритвы перемѣнилъ. Глупый какой. Надо было, вѣдь, Золингенъ взять съ надорваннымъ краснымъ футляромъ. Тотъ лучше всѣхъ. Кого угодно выбреетъ. На подносикѣ колышутся стаканы съ зеркальной водой отъ Анемомилуса. Чудная, родниковая, свѣтлая вода. Да,

такой даже въ Панаіотѣ нѣтъ. Ее развозятъ по всему городу на платформахъ въ большихъ, пузатыхъ кувшинахъ. Яни налилъ три стакана и подноситъ сперва директору банка, потомъ старшему Томасу изъ музыкальнаго магазина и наконецъ Зарифису, механику изъ кинематографа. Никто ему не говорилъ, что нужно подать стаканы въ этомъ порядкѣ, сперва этому, потомъ другому, но Яни это и самъ чувствуетъ. Это такъ ясно, по глазамъ, походкѣ, говору хозяина. По тому, какъ откидываютъ голову передъ бритьемъ на заднюю подставку. Какъ морщатся, поднимаютъ брови. Пристально смотрятъ въ зеркало и говорятъ: «не совсѣмъ». Яни знаетъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Это такъ легко. Даже силки разставляютъ не нужно. Всѣ эти людскія хитрости и умности такъ просто схватить за ноги и крылья, словно понятныхъ и немудрыхъ голубей. Живого «медоѣда» схватить труднѣе.

Еще больше темнѣетъ. Базаръ и окрестныя улицы сразу опустѣли. Черезъ ставни крестъ на крестъ легли большія желѣзныя полосы и защелкнулись стиснутыми намордниками замковъ. Медленно вдоль зигзажныхъ поворотовъ, улочекъ и загибовъ — вставшихъ вдругъ просторными и совсѣмъ-совсѣмъ пустынными—ходить и мететь большимъ шлейфомъ прозрачнымъ и сѣрымъ вечерняя тихость. Сметаешь всю болтливость, пузырьки, бубенцы и шарики отгремѣвшаго, отзвенѣвшаго дня. И за шлейфомъ, сзади — лежатъ улицы съ просвѣтами чистыми, просторными, освобожденными.

Пора закрываться. Яни чиститъ машинку и щуритъ одинъ глазъ. Только бы не отскочилъ обломокъ острой волосяной иглы. Гудятъ подъ матовыми, нестерпимо раскаленными колпаками подкаченныя лампы. Помножаютъ зеркала на зеркала волшебство отраженій, строя беско-

нечность корридоровъ. Пять, десять, пятнадцать лампъ куда-то далеко. Направо, налѣво. Другъ противъ друга. Безъ конца. Вертитъ головой Яни туда и сюда. Удивительно! Безъ конца другъ въ друга уходятъ зеркала и множится комната. Уложены ножницы всѣ рядомъ сперва большія потомъ меньше, меньше до крохотныхъ. Все перетеръ Яни, перечистилъ мягкой, ласковой замшей.

А черная замша уже погладила всѣ углы на улицѣ, дома и линіи крыши. Онѣ смягчились, дрогнули и расплавились. Слились съ окружающей теменью. Высунулся Яни, прищурился. На углу что-то жеванымъ сѣрымъ комкомъ бѣлѣетъ. Что это? Платье? Лошадь? Стѣна? Точно вечеръ пожеваль, пожеваль что-то бѣлое, замутилъ, затемнилъ его и бросилъ. Что это? Яни вдругъ странно холодѣетъ внутри. Ахъ, это Ванда, дочь столяра, сидитъ на углу. Все сидитъ, все сидитъ. И иногда странно смѣется. Точно невиданная птица острая и узкая, поднявъ клювъ къ небу — взмахиваетъ въ ней, внутри зубчатыми черными крыльями, внезапно раскрывъ ихъ, какъ два лохматыхъ, испуганныхъ вѣера. Такихъ птицъ Яни не видѣлъ. Потому, должно быть, Ванда, дочь столяра Каруана, и больная. Въ каждомъ человѣкѣ сидитъ птица. Но есть понятныя, простыя, извѣстныя и знакомыя. А есть вотъ такія, вечернія, слѣпыя. Яни точно слышитъ ея жалобный, взывающій кверху крикъ. И вздрагиваетъ.

Также вотъ онъ крикнулъ тогда, когда тянулся къ чему-то черному и густому межъ вѣтвей. Жалобно и безсильно по слоистой, слюдяной корѣ затерлась голая нога. И взмахнулись, словно перекрестились двумя обрубками, деревянныя, ставшія мертвыми и ненужными, руки. И крикъ взлетѣлъ вверхъ, какъ птица острая, внезапная и сухая.

Жалобная птица дочери столяра Ванда.

Съ тѣхъ поръ онъ хромой.

Давно закрыть Спонапуло. И Яни лежитъ вотъ тутъ - же за перегородкой, гдѣ днемъ обѣдаетъ хозяинъ и разогрѣваетъ воду для бритья. Больная нога поджата; изъ одѣяла сдѣлалъ катышекъ, складка, чтобы положить на него ногу. Такъ удобнѣе. Гдѣ-же лучше? Тамъ, въ пансіонѣ или въ городѣ?

Сѣрый, серебристый мохъ трогаетъ Яни. Вечеръ это или онъ въ самомъ дѣлѣ наклонился и ждетъ, когда вспорхнетъ каменная грудастая птица. Словно кто вяжетъ кружева изъ толстыхъ сѣрыхъ нитей и лохматыхъ расчесанныхъ шнуровъ, изъ серебристой, растрепанной пакли. Совсѣмъ, какъ хворость, что возить отецъ Христо и «Митѣра» — мама на крѣпкомъ, упрямомъ ослѣ «Пату». Надо-бы такъ сдѣлать, чтобы не возили они больше. Богатымъ стать. Папу Христо сюда привезти. Изъ угла спускается серебристый паукъ и плететъ паутину сперва изъ тонкихъ нитей, шелковыхъ и напряженныхъ подъ невидимымъ вѣтромъ. Потомъ густѣютъ лохматая нити. И рваная, чесаная плетется растрепанная, волосатая пакля. Прядутся волнистыя, шершавыя ткани. Все гуще. Ужъ не хворость это. А что? А что? Серебряные ковры, какъ саваны густые, укутываютъ Яни. Сѣрѣютъ, каменѣютъ. Просто скалы это свѣтлыя на солнцѣ. Воздухъ надъ ними просторный, прозрачный, смѣющийся. И, вотъ, сейчасъ, если прилечь и подвернуть ногу, можно зорко и остро впиться въ низкій и цѣпкій кустарникъ. И волшебными, огромными провалами жадныхъ глазъ неспящей души опрокинуть въ себя весь міръ, небо, солнце и дрожь невидныхъ, каменныхъ крыльевъ. За бахромою серебристыхъ вѣтвей.

Спать Яни — птицеловъ. Дышитъ тихо и спокойно.

Кончился его день. Полный шума, дрожи и трепета. И началась ночь. Въ томъ-же шумѣ и волшебной дрожи, лунной жизни, отраженной въ черныхъ блестящихъ заколдованныхъ зеркалахъ.

Спать Яни.

о. Кипръ.

„Христаллю“.

(Лѣсныя пляски).

Посв. М. Фокину.

Больше всего меня поразили эти руки. Странная, низко свисшія, какъ у гориллы — но съ четкими, злыми и конвульсивно сжатыми кулаками. И ритмъ танца тоже былъ какой-то странный. Качающійся бѣгъ вразвалку, все впередъ, безъ мелкихъ кружковъ и безъ пляски. И какіе-то сытые — да! сытые — глаза. Ни тоски, ни страсти, ни горя, ни радости. Просто какой-то удовлетворенный, ритмичный и бездумный звѣриный бѣгъ крови. Пьяный, но правдивый, простой, пещерный, лѣсной. Точно чернозему глубиннаго, свѣже взрытаго нанюхался. Или по чернозему свѣжею кровью поливалъ.

Станный танецъ.

Опустили занавѣсъ. Сразу вспыхнули люстры. И ожила здѣшняя жизнь, по эту сторону рампы, «всамдѣлишная» и мелкая, а та, «творимая легенда» осталась тамъ, за рампою. И на секунду — (вы замѣтили это чувство, когда возвращаешься изъ вымысла въ жизнь, убогую и тѣлесную?) — кольнула тоска. Зачѣмъ возвращаться? Еще всѣми цѣпкими присосками и лианами — связанъ съ міромъ видѣній — еще качается бѣлый, воздушный мостъ изъ тонкихъ стеблей, а вокругъ уже гомонъ и говоръ, лампочки и стеклышки хрустальныхъ висюлекъ и красный бархатъ вдоль ложъ, и бѣ-

лая пятна пластроновъ, тугихъ и крахмальныхъ, черные фраки и безпокойный атласъ и шелкъ дамскихъ платьевъ, щиплющійся на электричествѣ мелкими искорками и неслышнымъ шуршаніемъ...

Ожила жизнь здѣшняя, искристая, переливчатая, настоящая.

А та — ушла, растворилась.

Полно! Такъ-ли? Которая «настоящая»? Эта-ли изъ маленькихъ будней, — часовъ, нанизанныхъ, какъ бусы стекляруса, — дней, тяжелыхъ, какъ матовый жемчугъ ожерелья — годовъ, какъ траурныя четки, звено за звеномъ, годъ за годомъ? Которая жизнь «настоящая»? Эта-ли, въ стекляшкахъ и висюлькахъ, бахромъ вдоль люстръ, искоркахъ шелка, безпокойныхъ изгибахъ и складкахъ атласныхъ платьевъ, шуршащихъ при ходьбѣ? Или та, яркая, густая, звѣриная, правдивая и лѣсная? Сгустившая цѣлые вѣка правды въ мгновенія творимаго дѣйства?

А потомъ потухли люстры. Разошлись, топчась въ проходахъ и у вѣшалокъ, пластроны и фраки и шелковистыя, атласистыя, электрическія платья. Упали ротонды и шубы на точеные плечи. Обтеръ ледяные, въ висюлькахъ, усы — отъ дыханія на морозѣ — городской предъ Маріинскимъ театромъ — въ полубашлыкѣ, охватившемъ уши и шею. И обозначились ясно — матовымъ полукруглымъ серебромъ — слѣды поворота полозьевъ на Офицерскую. Разъѣхались. Зашипѣлъ, качнулся на вѣтру стекляннымъ шаромъ и уронилъ горящую точку дуговой фонарь. Разъѣхались.

Вотъ годы сейчасъ прошли. И многое забылось. Можетъ быть все забылось. Внѣшняя цѣпочка дней, ожерелье годовъ, бусинки, стеклярусь, цвѣтныя и хрупкія нити. Все размоталось, снизалось, по цвѣтнымъ зернышкамъ и шарикамъ рассыпалось. Видать, подлинно, не важна эта здѣшняя, внѣшняя, на нитку времени нанизанная жизнь. Важна ея послѣдняя бусинка, сегодняшній, нынѣшній — съ утра густѣющей и къ вечеру падающей — шарикъ раздумчивыхъ четокъ. Тѣ мгновенья, которыми живу, вотъ сейчасъ, сію минуту. А прошлое?

Нѣтъ прошлаго.

Далеко, внутри гдѣ-то, есть большіе просторные хоромы и палаты, — воздушные просвѣты и дали — не дѣтство-ли это? Есть звуки и пѣсни, матовые, еле-слышные, но всегда готовые проснуться и выступить яркимъ пѣсеннымъ шнуромъ на экранѣ. Есть ритмы, убаюканные и готовые качнуться. Стоитъ только вспомнить. Ритмы, какъ привязныя качели межъ деревьевъ, какъ согласное трепетаніе ивовыхъ листьевъ, склоненныхъ бархатнымъ серебромъ къ озеру. Есть цвѣтные фонарики, въ темномъ саду, развѣшанные въ день рожденія, есть видѣнья и образы. Березовая опушка въ осенній день. И желтое, нѣжное золото листьевъ, осенняя охра и блѣдная, стылая высь отступившаго, похолодѣвшаго неба.

Мало-ли что есть? Всего не перечислишь. Есть пятна и звуки, и краски. Куски жизни, — треугольные и острые, округлые и плавные, мелко отстриженные и узенькіе, разно отрѣзанные ножницами воспоминаній. Это и есть покрывало памяти. Ничего не помнишь. Нѣтъ

прошлаго. Есть большой лоскутъ съ матовыми кусочками, то нестерпимо живыми, то свернутыми въ сухія, отмершія листья.

А прошлаго нѣтъ. Вовсе нѣтъ. Фактовъ нѣтъ. Того, что волновало; людей, которые окружали; дней, которые заставляли биться сердце. Дней, нанизанныхъ за днями и казавшихся, густымъ скатнымъ жемчугомъ. Потомъ поблѣднѣвшихъ, ставшихъ тонкими, хрупкими. И бѣдными. Да, бѣдными. Стеклярусь, бусинки, висюльки и стеклышки вдоль лампъ.

А потомъ тушатъ электричество. И всѣ расходятся. На плечи подаютъ ротонды. Съ ноги на ногу переминается городской — на усахъ у него висюльки. Такъ холодно, такъ холодно. Поворотъ саней на крѣпкомъ снѣжномъ серебрѣ.

И конецъ.

Пошипить, мигнетъ и уронитъ послѣднюю точку дуговой фонарь. И потухнетъ.

Тогда ужъ совсѣмъ темно. Совсѣмъ конецъ.

* * *

И живы въ душѣ только куски и углы воспоминаній, — лоскутъ развернутый, то яркій и нестерпимый, когда на экранѣ — то сухой и хрупкій, когда въ тѣни.

И куски творимыхъ легендъ, воскрешенной, понятой и въ таинствѣ преображенія разыгранной жизни — тоже всегда живы. Вѣка, сгущенныя въ мгновенія. Правда нутра, явленная въ литургіи дѣйства.

Жизнь, въ ея стекляшкахъ и искоркахъ, смѣется надъ таинствомъ рампы: «Я, молъ, настоящая. У меня, молъ, и люстры. И люди. И бархатъ на ложахъ. И поворотъ полозьевъ. И вкусный, сахарный, серебряный снѣгъ. А у

тебя все придумано. Ты — рампа. Ненастоящая. Фольга и румяна. Холстъ и кулисы».

Но уходитъ жизнь. Тухнетъ послѣдній фонарь на площади. Мелкими зернышками, умирающей, сѣрою пылью — уходятъ дни.

А литургія рампы жива. Ибо она гуще жизни. Она стократное ея сгущеніе. Волхвованіе. Преображеніе.

* * *

Прошли года. Забыты прежніе дни и нижутся новые. Въ тоскѣ и боли, въ недоумѣніи. И медленно съ утра накипаютъ, густѣютъ часы и тяжкимъ звеномъ на жизненныхъ четкахъ спадаютъ они къ вечеру. Новый день прошелъ.

А идутъ они сейчасъ — среди яри и красокъ. Синее, знойное, бѣлое, звонкое. Живетъ наша душа, сѣверная и робкая, привыкшая къ полушопоту и влюбленная въ весну, живетъ среди крика и иступленія природы. Звенятъ на солнцѣ бѣлыя, раскаленные стѣны. Синѣетъ безграничнымъ синимъ маревомъ небесное индиго. Разметались перистыя пальмы — словно баловная кисть художника тутъ и тамъ черкнула по небу. И кричитъ небо, знойнымъ, бѣлымъ протяжнымъ крикомъ съ полудня, — кричатъ, на солнцѣ бѣлыя зданья. — По синему кричитъ небо, по бѣлому кричатъ стѣны и безумствуетъ солнце. И сухія, разбросавшія свои перья какъ перепончатые пальцы, дурманная пальмы то-же стоятъ и дрожатъ... Нѣту поступи нашей природы, осторожной и мудрой. Съ мягкой, печальной улыбкой. Нѣтъ сиреневой радости, царственной радости бѣлой сирени. Вечернихъ предзакатныхъ часовъ. Полуденнаго, недолгаго жужжанія шмелей надъ клумбами. Астрами, гергинами, левкоями. Простыми цвѣтами. Господи!

Возьми меня отсюда. Я живу средь живыхъ олеографій и безвкусіа, среди крика и звона потерявшей мѣру природы. Господи! Верни меня къ тихой поступи, къ нѣжнымъ говорамъ, къ тихимъ вечерамъ, съ паутинами, летящими въ воздухъ. Съ сиреневыми кустами заповѣдными. Господи! Пожалуйста.

* * *

Было это вчера. Да, вчера. Я хорошо это помню. Какъ сейчасъ вижу дворъ, узкій, втиснутый межъ угловыхъ, тѣсныхъ, другъ къ другу пристроенныхъ зданій. Ее зовутъ Христаллю, эту дѣвочку. Она намъ всѣмъ здѣсь прислуживаетъ. Сколько ей лѣтъ? Кто знаетъ. Лѣтъ одиннадцать. Но она маленькая, коренастая, крѣпкая, лѣсная. Лѣсной звѣрекъ. Арабка? Гречанка? Турчанка? Кто знаетъ. Здѣсь на Кипрѣ скрестилось столько расъ, смѣшалось столько кровей. Она очень маленькая, низенькая, скуластая, загорѣлая, съ большимъ приплюснутымъ носомъ. И глаза у нея какіе-то странные. Какъ двѣ пристальные, облитыя живымъ лакомъ пуговицы. Словно изъ чащи, изъ кустарника выглядываетъ. Смотришь на нее и кажется, словно она за стволъ спряталась или за кусты и оттуда высматриваетъ пытливо, спокойно, увѣренно. Что-то зная про себя. Такъ хорьки смотрятъ, лакированными, живыми глазами.

Здѣсь такой обычай. Прислуги всегда малолѣтнія. Иной разъ съ пяти лѣтъ въ работу впрягаются. И Христаллю дѣлаетъ все. Говоритъ что-то гортанно и упрямо хозяйкѣ, подоткнувъ подолъ грязенькаго платья и моетъ полъ и, сверкая упрямыми, упругими пятками, бѣжитъ на базаръ. Христаллю! Христаллю!

Она оборачивается и скалитъ зубы. Смотритъ пристально. Почему-то чуть-чуть присѣвши. Подогнувъ колѣни. И не знаю почему, кажется, что, вотъ она присѣла, какъ пружина и вдругъ развернется и прыгнетъ, какъ хорекъ и прямо въ горло острыми, маленькими зубами. Смотритъ остро и настороженно. И, кажется, даже воздухъ нюхаетъ. Ну, иди, Кристаллю, я тебя такъ только остановилъ. Мнѣ ничего не надо.

А вчера случилось слѣдующее. Она меня не видѣла. Я сидѣлъ у окна и смотрѣлъ во дворъ. Полдень горѣлъ буйно и нелѣпо. Звенѣлъ воздухъ и въ крови, и въ ушахъ, и по стѣнамъ. Тамъ-же по стѣнамъ ползали быстрыя, змѣйковыя ящерицы — или это только казалось усталымъ глазамъ. Изъ окна былъ виденъ весь дворъ въ полутѣни. Яростная, бѣлая сосѣдняя стѣна — кричавшая что-то неразборчивое на солнцѣ. Звенѣло небо. Горѣлъ неистовый полдень.

Кристаллю не должна готовить обѣдъ, она только прислуживаетъ. Намъ готовить все хозяйка. А сейчасъ Кристаллю стоитъ во дворѣ и въ рукахъ у нея голубь. Маленькій голубокъ, темно-сизый и невзрачный. Держитъ она его за крылья, отогнувъ ихъ назадъ и схвативъ крѣпко за оба крыла. И головку голубь поворачиваетъ съ трудомъ и недоумѣнно.

Кристаллю меня не видитъ. Она оборачивается взадъ, впередъ. Потомъ смотритъ пристально на голубя. И я вижу опять тотъ-же равнодушный, но пристальный и что-то знающій взглядъ. Что она знаетъ, Кристаллю? Или это знаетъ ея кровь? Почему она положила голову на бокъ и такъ смотритъ на голубя? Потомъ она уходитъ куда-то и приходитъ обратно въ центръ двора съ большимъ, кухоннымъ ножомъ, черезчуръ большимъ, какъ у мясника. Странно видѣть маленькую Кристаллю съ такимъ ножомъ.

Она не выпускаетъ голубя. И примащивается на дворъ, ложится. Устраивается удобнѣе. Вытягиваетъ босую ногу, чтобъ удобнѣе лечь. Я не вижу ея лица. Она легла ко мнѣ спиной. Но я вижу мѣрное и быстрое движеніе ея правой руки. Слышу шуршаніе и трепетаніе крыльевъ. Она встаетъ какъ-то сразу. Теперь я вижу: гѣльце голубя вздрагиваетъ. Головка глупымъ, ненужнымъ, темнымъ катышкомъ лежитъ тутъ-же вблизи. Она втыкаетъ въ землю — почему-то стойкомъ — большой ножъ. Я вижу темныя, совсѣмъ темныя пятна крови.

Она оборачивается. И вдругъ происходитъ что-то странное. Она сгибается, наклоняетъ спину и бѣжитъ по двору. Прямо на меня. Она меня не видитъ. И первое, что поражаетъ въ ней — это руки. Развѣ у Христаллю такія длинныя, цѣпкія руки какъ у маленькой гориллы? Она бѣжитъ странно, въ развалку и не очень быстро. Руки опущены внизъ и внизу сжаты въ какіе-то упрямыя, удовлетворенныя, торжествующіе кулаки. И почему-то ноздри дышатъ быстро. И въ лицѣ увѣренность и сытость. Да, сытость. Странно, я гдѣ-то уже видѣлъ и этотъ ритмъ и эти сытые глаза. Она добѣгаетъ до угла, бѣжитъ обратно и снова на меня. Все въ развалку, быстро и увѣренно. И я знаю — да! Я знаю — у нея не бьется сердце отъ бѣга, оно бьется лѣниво и мѣрно, спокойно и сыто. Да. Сытое сердце. Вотъ снова бѣжитъ на меня. Что это — бѣгъ? Танецъ? И откуда этотъ странный ритмъ? Бѣгъ въ развалку. . .

На картинахъ Хольдера такъ древніе германцы бѣгутъ. Тяжело, въ развалку, но грузно, правдиво. Съ большими палицами. Въ ритмѣ убійства. И это не маленькая Христаллю, а новый, пьяный, радостный и сытый звѣрь. Спокойный звѣрь. Ноздри открыты, и какія-то странныя журчанія, еле слышныя хрипы въ горлѣ

чуются. Нѣтъ. Это просто она ровно и удовлетворенно дышитъ. И руки, руки... Длинные, вдоль туловища. Спина согнулась, и онѣ висятъ сейчасъ и болтаются, утомленные, свершившія.

Можетъ быть Христаллю что-то новое знать? Какую-то правду. Можетъ быть есть простая, страшная, пьянящая правда убійства? И Христаллю ее знаетъ.

Сразу ушли въ даль вѣка, золотившіе насъ и обвѣсившіе бирюльками, высюльками и стеклышками. Можетъ быть нѣтъ Маркони и Бергсона, нѣтъ Кюри и Канта? Можетъ быть правда въ лѣсной, пещерной жизни, въ раздувшихся ноздряхъ и мистеріи крови, стекающей каплями съ ножа. Онѣ воткнуть стойкомъ. Глупая головка лежитъ рядомъ такимъ круглымъ катышкомъ. И маленькая Христаллю бѣгаетъ почему-то по двору. Согнулась, опустила внизъ усталыя, удовлетворенныя, длинныя какъ у гориллы руки — и бѣжить. Опять, прямо на меня.

Я закрываю глаза. Медленно, — явно, словно вдоль вѣкъ, — скользить темный занавѣсъ. Кончено. Когда я открываю, — дрожить, звенить и живетъ обычной, полуденной жизнью нашъ солнечный дворикъ. Быстрыми мгновенными тѣнями — словно взмахи рѣсницъ — мигаютъ стѣны змѣйковыми ящерицами. И гдѣ-то вдали слышенъ звонъ стекла. Христаллю моетъ посуду.

Что-же это было? Видѣлъ-ли я давнюю, старую выдумку, легенду, сотворенную за рампой! Литургію дѣйства? Или это подлинно живая дѣвочка съ черными глазами, какъ лакированныя пуговицы, бѣгала, свѣсивъ ставшія мгновенно длинными руки? Руки убійства. Значитъ, тогда давно, когда въ лоскутья воспоминаній, легъ этотъ кусокъ сотворенной легенды, онѣ не былъ легендой и рампой, — а былъ жизнью? Ибо, вотъ, она повторилась. И маленькая Христаллю станцовала этотъ танецъ здѣсь

на дворѣ. Такъ ея предки бѣжали вдоль узкихъ улицъ, мѣрно и тихо, въ развалку, въ турецкихъ кварталахъ или изъ арабскаго пригорода — и руки также свисали внизъ. А сзади была воплощена такая-же правда убійства. Правда: ибо если не убилъ-бы онъ, убили-бы его.

Это такъ просто, правдивѣ сложныхъ достижений и постиганій нашей современной души. Это правда лѣса и звѣря, поля и пещеры, гдѣ, свернувшись, катаются подъ солнцемъ два тѣла. Гдѣ одинъ, сильнѣйшій, выполняетъ какой-то мудрый, простой и четкій законъ надъ слабѣйшимъ.

Гдѣ-жъ правда? Въ нашей культурѣ, лоскуткахъ словъ и стеклянныхъ висюлькахъ вдоль люстръ? Онѣ такъ переливаются. И кажется, что мы большіе и мудрые, глубинные и прозрѣвшіе. Но, вотъ, тухнетъ свѣтъ. И исчезаютъ, тухнутъ хрустальные стеклышки. И мягко взвивается занавѣсъ.

Свѣтло-свѣтло. Тамъ за рампой — или на солнечномъ дворѣ — (все равно, ибо жизнь стала легендой, а творимое стало жизнью) — пляшетъ маленькій радостный звѣрь, съ длинными свисшими руками гориллы. Только что убившими. Пляшетъ, не задыхаясь. Наоборотъ вытягиваетъ воздухъ спокойными, раздувшимися ноздрями. И смотреть сытыми — да, сытыми глазами. Бѣгаетъ, согнувшись, отчего руки кажутся еще длиннѣе, еще ниже. Въ развалку, въ ритмъ и правдѣ убійства.

Въ правдѣ?

Можетъ быть Христаллю знаетъ что-либо про обреченное человѣчество, про неизбѣжныя войны и неумирающій законъ крови? Можетъ быть въ Христаллю кусокъ солнечной, лѣсной и звѣриной правды?

Тамъ на полянѣ предъ пещерой плясала она ужъ не разъ, столѣтія назадъ, — танецъ вразвалку. Просто бѣгала вокругъ освѣжеваннаго

оленя съ ножомъ, выбирая какое - бы мѣсто сръзать короткимъ, косымъ, начальнымъ ударомъ. И въ ритуалѣ родился танецъ. Простой и немудрый. Тотъ самый, который я видѣлъ уже давно въ претвореніи колдующей рампы. Тотъ самый, который увидѣлъ вчера въ повтореніи истинной жизни. Правдивой и открывшейся.

Сразу исчезла вся ложь и бахрома, хрупкія бусинки дней и стеклярусъ людскихъ и лживыхъ ожерелій — выдумки, которыми мы завѣшиваемъ жизнь, — и, вотъ, явилась она, простая солнечная правда на солнечномъ дворикѣ. Тамъ гдѣ ножъ стоялъ, воткнутый въ землю стойкомъ — съ пятнами крови...

Или мы всегда будемъ убивать? Или уже обречены, убивши на Голгоѣ само Отрицаніе Убийства? На самомъ трагическомъ для человечества холмѣ, гдѣ жизнь убила Го, что запрещало убивать? Можетъ быть мы такъ и не поняли до сихъ поръ символа Голгоѣы и не чувствуемъ тѣни, брошенной ею на всю людскую исторію и на нашу жизнь...

И, можетъ быть, правда-то здѣсь въ лѣсномъ и бездумномъ звѣрькѣ, оплывшемся на Голгоѣу, въ правдивомъ и солнечномъ бѣгѣ его надъ кровью, въ медлительномъ ритмѣ и танцѣ убійства, когда руки свисаютъ длинныя и жуткія, почти волочась по землѣ, какъ у гориллы. А?

Христаллю! Христаллю! Ты слышишь? Христаллю!

Гдѣ-жъ правда?

Она сидитъ сейчасъ посреди двора, ощипываетъ голубя. Вся въ перьяхъ, пушинкахъ. Сидитъ, поджавъ ноги.

Христаллю!

Она поднимаетъ глаза и чуть щуритъ на солнце черныя, облитыя крѣпкимъ лакомъ пуговицы. Чуть-чуть улыбается, крѣпкой звѣ-

риной мордочкой. Сидитъ увѣреннымъ, твердымъ комкомъ. Сидитъ, пригнувшись. Смотритъ пытливо, сторожко, пристально. Словно изъ кустарника. Вотъ-вотъ развернется, какъ пружина, и бросится.

Кричитъ небо синее, звонкое. Кричатъ стѣны, бѣлыя, безумныя. Жарко, душно. Звенитъ воздухъ и въ крови, и въ ушахъ, и вокругъ.

Христаллю! Гдѣ-же правда? Можетъ, ты ее знаешь, маленькій, крѣпкій, лѣсной звѣрекъ.

Скажи! А?

о. Кипръ.

Съдой Юрко.

Посв. Ев. Зиминской.

Имя у него такое несерьезное, точно у малыша, или у юноши. Или у упрямого, непокорного ежика.

Юрко.

А на самомъ дѣлѣ онъ съдой и высокій. Большой и всегда грустный. И на ежика похожи только его высокіе, сѣдые волосы. Стоящіе упрямой копной. Странно, что они такъ сохранились. А казалось бы, жизнь тяжелая и горестная.

Вы знаете, понятно, о комъ я говорю. Юрко, чистильщикъ сапогъ. Если вы живете у насъ хоть день, вы были на главной улицѣ, близъ клубнаго портала. Вотъ Юрко тамъ и сидитъ. И никто больше не смѣетъ устраиваться тамъ же. Да, никто. Самъ городской голова — «Димархось» чистилъ недавно свои сапоги (новые, бѣлой, чуть - матовой замши) и еще разъ общалъ ему: онъ здѣсь будетъ одинъ. Впрочемъ, къ чему сомнѣваться? онъ и такъ здѣсь давно одинъ, уже годъ, уже два, больше.

Когда онъ приходитъ на работу? Очень рано. Засвѣтло. Только чуть чуть проводятъ маляры розовой кистью по небу, и за городомъ, откуда идетъ Юрко, просыпаются травы, а листья на деревьяхъ нѣсколько разъ поворачиваются, чтобы лучше разсмотрѣть: «заря-ли это?» Да, заря. Нѣтъ сомнѣнія. Значитъ Юрко пора на работу.

Онъ идетъ спокойно и размѣренно. Который ужъ годъ. Той-же дорогой.

Вы замѣтили? Онъ никогда не смотритъ въ глаза. Не потому, что онъ былъ-бы злой человѣкъ. Нѣтъ. Юрко не злой. Спросите въ его деревнѣ «Агіа - Омелогитэ», — его всѣ любятъ. Но его била жизнь, била, била, какъ желѣзную пластинку бьетъ, захвативъ ее щипцами, кузнецъ Киро Ставринидесъ. Вы видѣли? Вотъ такъ и жизнь била Юрко. Но другіе гнутся при этомъ, крутятся, ссыхаются, или мякнутъ. Юрко только твердѣлъ. Чѣмъ больше его околачивалъ молотокъ, тѣмъ онъ больше твердѣлъ. Вы должно быть видѣли, въ мѣдномъ ряду на базарѣ такъ бьютъ мѣдныя чаши и большіе тазы гулками кувалдами. Дробными, мелкими ударами. А мѣдь все твердѣетъ. Чеканится. Такъ и Юрко: онъ зачеканился. Вы думаете, озлобился? нѣтъ, помудрѣлъ.

И когда приходитъ домой и шесть дѣтей его — да, у него шесть дѣтей — вы видите? — гудятъ и плещутся надъ большою миской фасоли, а жена, усталая Урани съ двумя сѣдѣющими косами, брошенными на спину подъ узорнымъ, когда-то новымъ чернымъ кружевомъ — снуетъ межъ дѣтей и кричитъ «Панагіа, Пресвятая!» — онъ смотритъ, первый разъ за день чуть улыбаясь. Ему нечего ронять. Онъ больше ничего не ждетъ отъ жизни. А то, что онъ ждалъ, онъ получилъ. И вообще онъ гораздо больше знаетъ, чѣмъ мы съ вами. Вы думаете, это просто шутка моя или уловка рассказчика?

Простите, я не рассказываю. Я просто стою рядомъ съ нимъ и все вижу, все чувствую, живу съ нимъ. И потому я знаю, почему онъ не смотритъ вамъ въ лицо. Ему уже нечего ждать. Но онъ все видитъ. И знаетъ онъ гораздо больше — о, да! — гораздо больше насъ съ вами.

А почему? мы живемъ съ вами въ привычномъ мѣрѣ людского обихода. Мы смотримъ другъ другу въ глаза. Мы ищемъ тамъ въ нихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Нашъ уровень жизни — понимаете, что это значить? — настоящій физическій уровень гдѣ-то надъ землею.

Юрко цѣлый день чистить. Юрко видитъ лишь ноги. Онъ живетъ тамъ внизу, на самомъ тротуарѣ. И тамъ течетъ для него полная снующихъ движеній богатая жизнь. Вотъ, спросите у него. Онъ не любитъ говорить, но въ перерывъ, когда на колонны порталовъ ложится бѣлый расплавленный зной и клубный приходъ пустѣетъ, Юрко садится въ тѣнь, а старикъ Христо приноситъ ему ломоть «псоми» съ поджаренной коркой и ту-же фасоль въ пятнахъ прозрачнаго масла, тогда поговорите съ нимъ. И повѣрьте, онъ васъ пойметъ. И если вы говорите для праздности или со скуки, Юрко ничего не скажетъ. Но если вы жалѣете его и говорите съ нимъ потому, что давно уже запримѣтили упрямую, сѣдую, высокую голову — онъ вамъ отвѣтитъ. Да, отвѣтитъ, и вы поймете, что знаетъ онъ больше насъ. Вы поймете, что тамъ внизу среди снующихъ движеній идетъ своя большая, невѣдомая намъ жизнь. Потому-то Юрко, должно быть, и не подымаетъ головы. Онъ наблюдаетъ эту жизнь и видитъ мѣръ.

И боль, и радость, и бѣдность, и богатство, и страхъ, и первые проблески рѣжущаго горя, и первые шаги еле-ощутимаго еще счастья. Все видитъ. Да, да.

Вотъ снуютъ ноги, вотъ спѣшать, вотъ влекутся медленно. И развѣ нужно подымать голову, чтобы увидѣть, что эти стертые, черные, въ печаль обутыя ноги принадлежать неудачнику? Вотъ и заплаты. А въ мартѣ была только одна. Значить дѣла пошли хуже. И

новыхъ купить не на что. Бѣдный учитель Шелишь. Его, должно быть, не пригласятъ на новый учебный годъ. Вѣдь здѣсь все зависитъ отъ педагогическаго совѣта. А предсѣдатель его Коста Христулосъ (желтые, козловые, съ шнуровкой на крючкахъ) любитъ только себя. Развѣ вы видали когданибудь отъ него лишнихъ полъ-піастра? А бѣдный учитель Шелишь подарилъ разъ сыну Юрки піастръ. Впрочемъ, это пустяки. И въ общемъ всѣмъ имъ не сладко.

Бьетъ молотокъ жизни, словно круглая кувалда по красной, отогнутой мѣди. И крѣпнетъ она только, твердѣетъ, чеканится. Вотъ, видите, учитель Шелишь еле плетется, чуть двигаетъ ноги въ заплаткахъ, словно въ порѣзахъ, а Юрко, онъ ничего. Сидитъ. Съдая голова безъ шапки. Упрямые, стойкомъ стоящіе волосы. Прямо удивительно. Словно щетка изъ старыхъ, густыхъ серебряныхъ иглъ. Не согнулся Юрко.

Вотъ франтъ Іаковидесь. Сейчасъ у него и желтые съ бѣлымъ (тонкіе рѣзные, двуцвѣтные) и просто желтые, словно кирпичные и яркіе, какъ охра. Значитъ родители изъ Лимассоля присылаютъ еще. А въ прошломъ году бѣлые были полотняные, дешевые, не изъ кожи.

Вотъ русскій инвалидъ съ одною ногой. Для Юрко половина работы. Но онъ никогда не возьметъ и полъ-піастра. Зачѣмъ? Тотъ-же молотокъ билъ, билъ и разбилъ человѣка. Стало полъ-человѣка. Юрко все понимаетъ. Все видитъ. Потому что боль и горе, и смѣхъ и радость совсѣмъ не наверху, надъ тротуаромъ, какъ мы думаемъ, а тамъ, внизу, у Юрко, на самомъ тротуарѣ. Все тамъ видно.

И когда адвокатъ Темистосъ потерялъ жену и ходилъ молча въ клубъ за чашкою кофе, онъ

сидѣлъ и не пилъ и долго смотрѣлъ передъ собой.

А Юрко все чистилъ и чистилъ внизу и тоже понималъ. Что? Господи! Къ чему смотрѣть наверхъ? Разъ шнурки не завязаны, еле спутаны, чуть подоткнуты. Эхъ, киріе Темистэ, прекрасная была киріе Ванда. Самая красивая, самая ласковая киріа. (Высокіе, желтое шевро, такіе высокіе, почти до колѣнъ, словно амазонки). Да, киріе, тяжело терять близкихъ. Тоже ударъ молоткомъ. Кого разобьетъ, а кого отчеканить. Бьетъ, бьетъ, а человѣкъ все твердѣетъ. Не потому-ли Юрко такой прямой, негнущійся, словно заклепанный ударами мѣдныхъ кувалдъ? Скажи, Юрко. Такъ? Но молчитъ онъ. Ни на шутки, ни на смѣхъ не отвѣтитъ онъ вамъ. Нѣтъ смѣшного въ жизни. Въ сложной, снующей, правдивой жизни внизу на самомъ тротуарѣ.

Вотъ идетъ бѣдность, крадется, ложится морщинами на черную, нечищенную кожу сапогъ. Все это видитъ Юрко. Обѣднѣвъ, его не стали приглашать. И онъ слѣдитъ. Вотъ еще заплата, вотъ здѣсь скоро лопнетъ, ужъ натянулась предательски кожа. Вотъ и лопнула. И не чинять — вы видите? не чинять. Такъ и ходятъ, уныло и медленно съ открытой чуть зіяющей раной на кожѣ. Плохо. Значитъ уже совсѣмъ плохо. А вотъ — смотрите — вдругъ заплата починена. Стало быть стало лучше. И даже къ Юрко подошли. Встала нога на фигурную тумбочку.

Помазалъ Юрко зубной почернѣвшею щеточкой, лихо заработалъ большими пушистыми щетками, а потомъ вынулъ изъ кармана (изъ кармана!) красивую темно-малиновую бархатку и ласково натеръ кожу до теплаго глянца. Разъ жизнь потеплѣла и не бьетъ — Юрко всегда радъ. А потомъ, вскорѣ, — Юрко тоже это видѣлъ, — совсѣмъ исчезли заплатан-

ные и появились у того же человека черные, дорогие с лаковым носкомъ. Стало быть совсѣмъ хорошо стало. Слава Богу. Не всѣхъ же людей она бьетъ и чеканитъ. И походка стала иной. По тротуару мимо Юрки идутъ и печатаютъ радостные каблуки.

Юрко знаетъ все: какъ бѣгаютъ каблуки и скользятъ подошвы, когда идетъ весна и влюбленные грузные солдатскіе боты томятся рядомъ съ сѣменящими туфельками со сквозистымъ ременнымъ носкомъ. Мелькаетъ дѣловая черная кожа занятыхъ людей.

Желтая, кричащая охра—лѣтнихъ и праздничныхъ ногъ — спѣшитъ за городъ или мелькаетъ среди бѣлыхъ и дамскихъ съ большимъ вырѣзомъ туфель. Господи! Ихъ надо чистить осторожно, чтобы не задѣть зубною щеткой прозрачнаго, туго натянутаго чулка. Спѣшать на теннисъ англійскіе, бѣлые съ чуть шершавой и матовой кожей.

Все видитъ Юрко. Понурую походку разоренныхъ, растерянную поступь горя, невольную запущенность одинокихъ, показную роскошь неожиданнаго богатства.

Робкую походку любви; заплетающіяся, еле влекомыя ноги за катафалкомъ. Четкую дробную поступь юности по весеннимъ тротуарамъ. Шарканье старческихъ резиновыхъ подошвъ въ дождливые дни кипрской зимы. Все видитъ Юрко.

Сидитъ у колонны, на самомъ тротуарѣ, близъ баллюстрады. Тѣни падаютъ сверху отъ треугольной, аттической крыши. Поэтому Юрко въ тѣни, и ему не надо накрывать сѣдую голову съ упрямой щеткой стараго потемнѣвшаго серебра. Чуть прикрыты его глаза. И смотрятъ внизъ. А внизу предъ нимъ все: и плачь, и смѣхъ, и надежды, и боль, и потери, и стыдъ, и любовь, и злоба. Все здѣсь внизу на самомъ тротуарѣ.

Къ вечеру кто-то снимаетъ съ жаркихъ колоннъ бѣлыя, невидныя ткани раскаленнаго зноя. Гдѣ-то наверху, подѣ крышей, подѣ аттическимъ треугольникомъ дуетъ еле осязаемое предвѣстіе вечера. Въ завиткахъ и густыхъ акантовыхъ листьяхъ гипсовыхъ колоннъ наверху лежатъ уже, свернувшись, маленькіе клубочки вечерней прохлады. Еще недолго, и они пухнуть, перебѣгаютъ какъ пауки сѣрыми пятками по верху колоннъ, кидаютъ вороха темени подѣ портикъ и крошатъ вечернюю тѣнь повсюду, гдѣ есть тѣневая полоска.

Подѣ ножки стульевъ, подѣ мраморъ чуть стынувшихъ столиковъ, подѣ ноги сидящимъ въ кафе. Больше ужъ не будутъ чистить сапогъ. Пора домой.

Надо убрать все хозяйство. Ящикъ съ рѣзною тумбочной для ноги наверху. Выдвижныя шкатулки съ восемью желтыми, тремя бѣлыми и двумя черными банками. Большія пухлыя щетки на крючкахъ по бокамъ. И малыя плоскія для черновой мази. И костяныя, бывшія зубныя въ углу задняго ящика. И тамъ-же купленные въ прошломъ году резиновые каблуки и подошвы, твердыя, чуть серебристыя, словно прессованныя въ сахарѣ. И круглая шкатулка съ винтами. Большое хозяйство, пріятно въ немъ и разобраться. Въ боковомъ карманѣ темнѣ-малиновая, ласковая бархатка для послѣдняго глянца.

Прохладно. Можно идти домой не покрывая головы. Подоткнулъ Юрко синій передникъ, перекинулъ какъ шарманку, черезъ плечо, обвѣшанный щетками ящикъ съ хозяйствомъ. Топорщатся, не гнутся волосы Юрки, темнаго серебра. Онъ самъ тоже не гнется. Тяжело жить, бьютъ молотки, мѣдныя кувалды. Кого вдребезги, а кого только чеканять. Ничего, пускай только три шиллинга, завтра будетъ больше.

Тамъ дома плещутся и снуютъ надъ вечерней фасолью — пять, вы подумайте! пять — неспокойныхъ — быть можетъ голодныхъ. Шестой Христо рядомъ пришелъ за отцомъ. И старая Урани съ уже сѣдѣющими косами, брошенными подъ прозрачнымъ когда-то новымъ кружевомъ на плечи. На когда-то не согнутыя плечи. Ничего, старая. Въ этомъ жизнь. Бьютъ молотки и чеканятъ. Въ этомъ жизнь. Снуютъ ноги въ заплатахъ и бѣдности, въ горѣ, богатствѣ, въ низости, въ свѣтлой любви. Всю жизнь вижу. Цѣлый день вижу. Ничего, старая. У всѣхъ есть хорошее. У всѣхъ есть плохое.

Живо, Христо. Надо поспѣть къ ужину. Ничего, самъ донесу ящикъ. Ты еще малъ.

А, добрый вечеръ, Паскались. «Ти-хапаріа?» «Харисто». Спасибо, слава Богу. День прошелъ и все хорошо. А вы какъ?

Ложится вечеръ. Съ густыхъ деревьевъ спустились проворно темныя тѣни и разложили черную, еле видную ткань вдоль канавъ. А въ самихъ канавахъ закопошилось столько вечерней, лохматой темени, клубами и ворохами набухла она тамъ. И дороги чуть потемнѣли.

Вдали межъ деревьевъ за больницей Мюллера кто-то повѣсилъ на небо вечерній, грустный аметистовый тюль и, чтобъ онъ держался, вбилъ три золотыхъ гвоздя съ замерцавшими слабыми шляпками.

Три вечернихъ звѣзды.

Пора, Христо. Нужно скорѣй. Мама ждетъ съ ужиномъ.

о. Кипръ.

СКВОЗЬ СОНЪ

Ее звали Эйлизъ-Аде. Она такъ смѣшно, такъ церемонно кланяется, словно быстренько перебираетъ крылышками. Чуть выставить впередъ голову, бѣгаетъ беспокойными глазками, какъ у летучей мыши, и, оставивъ назадъ руки, точно перистыя, перепончатыя крылья, трепещетъ ими въ воздухѣ, нишетъ, словно дышитъ. Ахъ, Эйлизъ-Аде.

Вы ее не знаете. Вы ее не можете знать. Васъ, вѣдь, никогда не пустятъ за большую земляную стѣну, вымазанную бѣлой известкой. А надъ нею еще деревянные щиты, чтобы изъ дома (апротивъ ничего не было видно, чтобы не увидѣть двора и на немъ Эйлизъ-Аде, когда она тѣмъ бѣгаетъ. Нѣтъ, летаетъ. Быстрыми зигзагами. И руки, руки — чуть назадъ — все время нижутъ, трепещутъ. И дверь тамъ большая, съ двумя мѣдными колотушками. Вродѣ висячихъ молотковъ. Но рѣзныхъ, съ украшеніями.

Можете стучать туда мѣдною ручкой, висячей съ круглымъ кольцомъ, чуть стершимся отъ вѣчныхъ ударовъ. Можете стучать. Придетъ Гюльнаръ и хоть будетъ закрывать лицо правой рукой съ выцвѣтшимъ синимъ покрываломъ, но вы все равно увидите, что Гюльнаръ — черная, арабка. И вы еще испугаетесь. Ха-ха-ха! И Эйлизъ-Аде еще посмѣется вамъ вслѣдъ. Ахъ, Эйлизъ-Аде, что-жъ тутъ смѣшного? Мы просто не знаемъ вашихъ обычаевъ.

Живеть на улицѣ дальней и тихой. Съ утра только, рано-рано, — когда Эйлизъ-Аде еще подѣ тюлевымъ балдахиномъ отъ москитовъ — вдругъ рѣжется воздухъ протяжно и жалобно: «Ти ореа хулуріа — о-о». («Что за чудныя булочки — да!»). Грекъ кричитъ, точно самъ удивляется, зачѣмъ онъ понесъ такія булочки продавать, а самъ ихъ не съѣлъ... И, дѣйствительно, чудныя булочки, — палочки какъ толстыя пальцы, — осыпанные густо-густо коноплянымъ сѣменемъ. И хрустятъ они такъ славно. Гюльнаръ высовываетъ черную руку съ почему-то побѣлѣвшей ладонью и беретъ четыре толстыхъ пальца.

А Эйлизъ-Аде можетъ еще нѣсколько разъ повернуться подѣ своей тюлевой «мускетеркой». Торопиться некуда. Свѣтъ почти не входитъ въ комнату. И ставни съ поперечными дощечками на шарнирахъ — закрыты. Дощечки всѣ на узкой палочкѣ, какъ деревянные солдатики — хлопъ! и ставни закрыты. Хлопъ! и свѣтъ въ полоску опять рябитъ всю комнату. Хлопъ! Хлопъ! Хлопъ! Черныя — бѣлыя полсы въ глазахъ. Но никто не можетъ сдѣлать замѣчанія. Некому.

Эйлизъ-Аде одна.

Утромъ торопиться некуда, и весь міръ, если смотрѣть на него сквозь толстый густѣющій тюль, — такой странный и облачный. Похожій на сонъ. Или это она еще сонъ досматриваетъ и еще не проснулась? Ей кажется, что она у Анемомилуса. Ахъ, да! Вы не знаете, что такое Анемомилусъ. Это — кафе, загородное, большое, на просторномъ, утрамбованномъ плацу. Тутъ-же большой колодезь, лучший въ городѣ. Эту воду развозятъ на большихъ, дырчатыхъ платформахъ. И въ каждой дыркѣ большой глиняный кувшинъ. Нѣтъ дома въ городѣ, гдѣ бы не брали этой воды. Вы ее, понятно, тоже

пробовали. Свѣжая, прозрачная, звучащая, какъ серебро. Какъ Эйлизъ-Аде, когда она смѣется. Впрочемъ вы этого не могли слышать. Развѣ, вотъ, теперь, когда она пріѣхала къ Анемомилусу. Но вѣдь это во снѣ, и васъ тамъ нѣтъ. За сонъ она вѣдь не отвѣчаетъ... и когда проснется, кто съ нея спроситъ, кто накажетъ за то, что уѣхала на просторномъ, удобномъ извозчикѣ? Онъ даже не спросилъ куда, прямо повезъ. Извозчикъ Коста, грекъ. Своего бы она и во снѣ боялась... Сошла съ коляски и жадно ходитъ межъ столиковъ. Вотъ все, что вокругъ, всѣ эти столики и цвѣтныя, густыя, вишневыя рюмки и чашечки колдующаго кофе, все это чужое, это — «нельзя».

А какая у нихъ жизнь? Сидятъ съ открытыми лицами, вѣтеръ шевелитъ пряди волосъ. Кофточка съ крестъ на крестъ положенной прошивкой. Она видѣла это на прошлой недѣлѣ въ магазинѣ у Макри. Ничего особеннаго. А вотъ цвѣтныя, узкія платья, облившія грудь и бедра, короткія. И чулки того-же цвѣта песочные и тупли. Сидятъ... Какъ много ихъ... Противныя гречанки. И лица у всѣхъ открыты. Не то что у нея. Она оправляетъ «пэтчэ» черный вуаль на лицѣ, и въ ужасѣ вскрикиваетъ. Вуаля нѣтъ. Она открыта.

Гюльнаръ — стоитъ надъ ней и будитъ ее. Да, да. Великъ Пророкъ. Это все было сномъ.

И до полудня, и послѣ полудня, — жалко, что вы не видите — бѣгаетъ Эйлизъ-Аде и улыбается, и трепещетъ руками, какъ бабочка.

Есть даже у ней кусокъ матеріи, большой; большой, и тамъ однѣ только бабочки вышиты, золотыми толстыми нитями, шнурами и бусинками. Какъ живыя. И усы, и глаза, кругленькіе и твердые, и нѣжный шелкъ на крылышкахъ. Эйлизъ-Аде сидитъ и кутается въ матерію. Она еще давшишня — отъ бабушки, пра-ба-

бушки, еще дальше. И есть платокъ, большой и черный, а тамъ посрединѣ летучая мышь. Гюльнаръ смѣется — говоритъ, что Аде похожа на эту мышь. Развѣ? Или потому, что она такъ всюду бѣгаетъ, а потомъ, когда говоритъ съ Гюльнаръ, то наклоняется впередъ и оставляетъ руки. Быстро нижеетъ ими воздухъ, перебираетъ пальцами, какъ перепончатыми крыльшками, куда-то летитъ.

Можетъ быть у нея это въ крови, но она не любитъ города. Она проходитъ быстро, качаясь на ходу, какъ тростинка, какъ тюльпанъ. И выходной «тшаркафъ» у нея есть, скрывающій локти и спину цвѣтнымъ, шелковистымъ листомъ. Какъ бутонъ цвѣтка. Дрожитъ она на солнцѣ, когда идетъ — мелкой, невидною дрожью. И чуется эта дрожь въ каблучкахъ, въ упрямыяхъ локтяхъ, чуть разставленныхъ и обтянутыхъ шелкомъ. Дрожитъ, — потому что хорошо жить, потому что солнце сжигаетъ бѣлыя стѣны, идутъ англичане съ бѣлыми шлемами и смѣется на углу заптій въ красной фескѣ и защитномъ мундирѣ. «Каймаки, каймаки!» — кричитъ Мустафа, мороженщикъ ихъ квартала. Другой и не покажись. И блеститъ у него круглый подносики весь мѣдный и смѣющийся со стаканами, ложками. «Каймаки, каймаки!»

Она не любитъ другихъ кварталовъ. Что ей говорятъ эти низкорослыя, широкобедрыя гречанки? Противныя, кудлатыя, курчавыя... А? Или это бѣжитъ и гудитъ въ ней дальняя кровь, отзвукъ сверкающихъ, лязгающихъ другъ о друга ножей, топотъ тысячъ ногъ по узкимъ улочкамъ, и далекий заунывный кличъ янычаръ, бравшихъ Никозию и въ среднія, и въ дальнія, и въ самыя давнія вѣка. Протяжный кличъ, бѣгъ вдоль улицы съ полузакрытыми вѣками, жадный, задохнувшійся бѣгъ. И вотъ онѣ, жертвы, съ распущенными курчавыми волосами, убѣгающія... «Каймаки!».

Что это? Она вздрогнула. Что съ тобой, Мустафа? Развѣ можно такъ сразу подѣ ухомъ кричать? Приди потомъ со своимъ мороженымъ.

Сколько можно погулять по своимъ кварталамъ? Рано утромъ немного, до базара. А потомъ станетъ жарко. Да и неудобно такъ много ходить. Что скажутъ? Скажутъ, что Эйлизъ-Аде хочетъ платья свои показать. А что-жь? У нея есть что показать. И золотого цвѣта. И цвѣта ягоды «кайшу», вареной и сочной, и оранжеваго цвѣта, густого и сладкаго. Чулки такого-же цвѣта. И упрямыя, плотно охватившія ногу, — какъ въ лодочку, — туфли, играющія глянцевымъ лакомъ. Ахъ, Эйлизъ-Аде! Вѣдь ты чувствуешь, когда англичане смотрятъ тебѣ вслѣдъ и греки мажутъ своими глазами маслинами шелкъ твоего платья и мигаютъ и хотятъ засмотрѣть за черный, плотный вуаль. Ты, вѣдь, чувствуешь эти взгляды? Какъ цвѣтокъ чуетъ солнечный лучъ. Какъ грядка чернозема — пролитую влагу. Какъ щека твоя подѣ вуалью — горячечный воздухъ. Ахъ, Аде. Ты, вѣдь, это чувствуешь. Или ты не женщина? Ну, не ускоряй шагъ. Не печатай каблучками по упругой резинѣ твоей улички. Все равно уже близко къ домъ твой. Ты зайдешь. И никогда — понимаешь, Эйлизъ-Аде? — никогда я не могу подойти къ тебѣ. Что за кольца, заклятія, волшебные круги вокругъ тебя? Какъ электрическимъ ударомъ отбрасываютъ. Сильнѣе всякаго тока бьетъ сгущеніе времени вокругъ тебя. Вѣка. Заповѣдными жгутами — обвита, магическимъ заклятіемъ — очерчена. Маленькая птичка въ невидимомъ кругѣ. Какъ тебѣ тамъ? Ну, иди, Эйлизъ-Аде. Никто тебя не тронетъ, оранжевая птичка «кайшу» въ клѣткѣ вѣковъ.

Какъ странно. Жара заползаетъ и въ палаты. Они дѣлаются такими вялыми, какъ вареные «калмокусія» съ фасолью. Не ѣли? У Аде каж-

дый день. Жара въ рукахъ. И въ тяжелыхъ вѣкахъ. Нельзя вышивать, и бусинки катятся съ колѣнъ на коверъ. Ищи ихъ тамъ послѣ въ густой, высокой, ангорской шерсти. Нельзя вышивать. Ничего не видно. Катятся бусинки и нѣтъ сихъ ихъ удержать вареными, толстыми пальцами. Вотъ развѣ поискать на самомъ коврѣ? Бусинки, бусинки. Колется коверъ, царапаетъ щеку. Ускользаютъ бусинки въ море, оранжевое пламя, густое и сладкое, «кайшу». Нельзя ихъ поймать. И какіе-же это бусинки? Это глаза хитрыхъ бабочекъ. Они нарочно все дальше летятъ. Странно, онѣ похожи на тѣхъ, что вышиты. Также блестятъ золотымъ извилистымъ контуромъ, и шелкъ, еле брошенный на крылышки, вотъ-вотъ спадетъ. Прозрачныя, синія, оранжевыя. — «А ты зачѣмъ насъ вышивала? Пришивала глаза, какъ бусинки? Продѣвала нитку, дѣлала дырочку и намъ было больно... А?» — «Я не вышивала васъ. Это еще отъ дѣдушки Дедезаде. Понимаете? Дедезаде. На платкѣ, на матеріи». — «Значить мы не живые, по твоему? Неправда, мы — живые, Эйлизъ, глупая птичка. Полетай съ нами. Такъ... все выше, все выше». «Каймаки!». «Каймаки!». «Не бойся, не обращай вниманія, пускай кричитъ глупый мороженщикъ. Намъ уже не страшно. Мы надъ землей». Такъ звонко трепещутъ крылья и плывутъ мелкой песочною тучей раскаленные бусинки въ оранжевомъ морѣ.

Спитъ Эйлизъ-Аде.

Спи, чужая. Спи, невѣдомая. Спи, тюльпанъ вѣковъ.

А въ пять, — вы знаете что за волшебство дѣлается въ пять? Солнце устааетъ. Оно видитъ, что ему не подъ силу бороться съ бѣлыми каменными стѣнами. Онѣ звенятъ, но не рассыпаются. И съ пальмами. Онѣ не сгораютъ. Тогда солнце вдругъ слабѣетъ. И на секунду надъ городомъ машетъ крыломъ большая птица.

Ее никто не видитъ. Но сразу нѣтъ крика. Нѣтъ звона. Нѣтъ бѣлаго буйства. Еще жарко, но солнце уже сдалось. Молчить и не звенить стѣна. Показалась изъ зелени голова ящерицы, посмотрѣла вокругъ и спряталась. Поняла. Пять часовъ. Больше не будетъ мигать, какъ взмахи рѣсницъ, змѣйковымъ быстрымъ сверканіемъ. Остановился Мустафа на улицѣ, и вытеръ потъ. Посмотрѣлъ на небо. Пять часовъ. Больше не будутъ мороженого покупать. Пора домой идти. Кто-то завернулъ скрипичную колку къ полудню туго и злобно, все ту же и злѣе. Кричала струна, звенѣла и звенѣлъ весь воздухъ, все ту же, звончѣе, безумнѣе. А въ пять часовъ колку чуть-чуть спустили. Понимаете? Еще звенить все вокругъ, но нѣтъ уже злобы.

И Эйлизъ-Аде тогда просыпается. Ибо, что ей дѣлать, когда вокругъ дрожить и гудить бѣлая злоба? Вотъ теперь тише и дохнуло что-то вдоль стѣнъ. Подуло на секунду обѣщаніемъ вечера. Аде, какъ тюльпанъ, вздрогнувшей при вѣяніи прохлады. Чуть покрывается еле видимымъ пушкомъ, просыпается. И бѣжитъ маленькая, быстрая, — живой комокъ солнца. Согнулась, слушаетъ настороженно. Нижетъ руками. Смѣется. Стѣны мохнатая, землистая, чуть тронутая бѣлой известкой — привыкли къ ней, къ маленькой Аде. И щиты прячуть ее отъ чужихъ, буравящихъ взглядовъ. Бѣгай, Эйлизъ, по дворику. Лишь-бы тебѣ было хорошо. Мы никого не пустимъ. Отъ всѣхъ закроемъ.

Стоитъ Гюльнаръ предъ нею съ большимъ подносомъ. Нѣсколько вазочекъ, полно наложенныхъ горкою. И «кайшу» медвяная, густой, солнечный плодъ съ вынутой косточкой, распоротый, утонувшій въ своемъ соку. И лѣсная «каруди», твердая, со сладкой и вязкой, темной, прозрачной смолой. И «тріандафилла», пахучая, прозрачная, съ обрывками розовыхъ лепестковъ,

утонувшихъ въ вареньѣ, какъ крылья бабочки, оборванныя, въ сладкомъ соку. Въ серебряной корзиночкѣ много ложечекъ и вилокъ съ завитушками на концахъ. Смѣшныя завитушки, какъ рыбы чешуйки или кукурузный отростокъ: такъ и нельзя рѣшить. И три стакана воды отъ Анемомилуса. Такой прозрачной, такой хрустальной. Какъ сердце Эйлизъ-Аде. Какъ ея смѣхъ. Безгрѣшный, незнающій. Ибо она ничего не знаетъ, только спрашиваетъ, только смотритъ, какъ вышитая бабочка, большими черными бусами и плещетъ шелковистыми крыльями цвѣта «кайшу». Ну, бери-же эту ягоду, двузубою маленькой вилкой. И розу густую и вязкую — ложечкой. И запивай водой. Жидкимъ серебромъ. Ничего, — Гюльнаръ постоитъ. Такой здѣсь обычай. Пока не отвѣдаешь отъ каждой горочки, оранжевой, лѣсной, какъ камедь, или розовой, густой и прозрачной, — Гюльнаръ постоитъ.

Смотритъ на нее Аде, закрывъ одинъ глазъ и смѣется. Хитро такъ и неизвѣстно почему. И Гюльнаръ смѣется. Обѣ смѣются тихо и неслышно, неизвѣстно почему. Можетъ быть потому, что ужъ пять часовъ. Нѣтъ, уже много больше пяти. И стало чуть ласковѣй. И стѣны, уставшія звенѣть на солнцѣ, раза два мигнули — на секунду — тѣневыми рѣсницами — предчувствіемъ вечера. А, можетъ быть, потому смѣется Аде, что разсыпала бисеръ и знаетъ: до темнаго вечера будетъ ползать смѣшная Гюль, смѣшная-смѣшная, по сѣдому ковру изъ Ангоры и искать межъ шерстинокъ черными руками съ поблѣвшими ладонями, мелкія бусинки. Будетъ раздвигать шерстинки и топорщить и такъ уже большія толстыя губы. Будетъ тяжело дышать. И ползать въ своемъ синемъ, поблѣднѣвшемъ отъ воды и солнца, платьѣ. Ахъ, милая, милая Гюль. Дорогая. Одна ты, вѣдь, только осталась.

А Гюльнаръ смѣется черной смѣшною улыбкой, потому что знаетъ, что уже больше пяти часовъ. Да, уже много больше. Вотъ ужъ и верхній балконъ съ цвѣтными стеклами, прямыми, косыми, синими, лимонными, вишневыми, — балконъ загорѣлся — густыми стеклышками. Значитъ скоро шесть. И скоро Эйлизъ поѣдетъ. Вотъ, кажется, и Коста подѣхалъ къ дверямъ.

Да, Гюльнаръ, знаетъ, что это не хорошо. Не хорошо ѣздить по городу и къ Анемомилусу. Только плохія, совсѣмъ плохія женщины ѣздятъ такъ. Но, вѣдь, Эйлизъ-Аде одна. Такой больше нѣтъ. Она — тюльпанъ, съ закрытою шелковой чашечкой. И на дѣвичьихъ сгибахъ у нея свѣтлый, малиновый пушокъ. Такихъ, какъ она, нѣтъ. Правда? И потомъ она, вѣдь, не слѣзаетъ съ извозчика, а только проѣзжаетъ. Что-жъ здѣсь худого? Ну, бери, Аде, бери, мой смѣхъ серебристый, еще одну «кайшу» распоротую, густую, вареную, въ оранжевомъ, сладкомъ соку. Бери, Аде! И поѣзжай. Коста ужъ ждетъ. Слышишь? Онъ загудѣлъ гудкомъ. Хоть онъ и извозчикъ, онъ прицѣпилъ себѣ гудокъ и гудитъ такъ смѣшно. «Ы-у. Ы-у.» Ему подарилъ его знакомый шофферъ. Можетъ быть потому она и выбрала Косту. Ему самому нравится упрямый гудокъ. «Ы-у. Ы-у.» Онъ смѣется чуть повернувшись, въ поль-оборота. Но не очень. Или онъ, Коста, тоже чувствуетъ кольцо вѣковъ, недоступный кругъ? А въ кругу темную синюю птицу въ шелку, спрятанную и загадочную, которую онъ возитъ съ собой черезъ день. «Ы-у». Ни у кого нѣтъ такого гудка. У него перваго. Потомъ ужъ Юрко прицѣпилъ себѣ тоже, но развѣ это такой? «Ы-у». Дорогу! Да, пожалуйста. Хотя вы и англичанинъ, но дорогу надо дать. И везу я — Эйлизъ-Аде, тюльпанъ вѣковъ.

Эйлизъ сидитъ на синемъ суконномъ сидѣннн — въ синихъ, вечернихъ шелкахъ и въ черной,

прозрачной вуали и тоже смѣется. Но этого никто не видитъ. И какъ не смѣяться, когда у англичанъ такіе смѣшные, бѣлые шлемы и запѣтъ въ красной фескѣ на людномъ углу такъ смѣшно отдаетъ имъ честь: весь вздрагиваетъ, отбрасывая руку дощечкой. Слово съ тугимъ шарниромъ въ локтѣ. «Разъ-два!» Коста несется по городу быстро на мягкихъ, покойныхъ рессорахъ. «Ы-у»... «У-у» ѣдетъ она къ Анемомилусу, какъ во снѣ. Но тогда она сошла съ коляски. И было страшно. А здѣсь она проѣдетъ только шагомъ и медленно-медленно.

Скажите, развѣ вы не сидѣли по вечерамъ у Анемомилуса, за городомъ, гдѣ видны горы? Онѣ одѣваются невидимыми вуалями, кутаются къ вечеру. Вуаль за вуалью. Или онѣ такъ привыкли къ жарѣ, когда были днемъ топазовыми, почти хрустальными на краяхъ? Помните? А сейчасъ у нихъ аметистовый флеръ, сперва прозрачный, потомъ синій, все гуще и гуще. Всѣ подножія въ тюлевыхъ слояхъ. Все кутается, ибо дышитъ прохлада тихою, свѣжею далью. Кто тамъ въ предгорьяхъ открылъ невидимый вѣтеръ и смѣется и гонитъ вечерній отдыхающій воздухъ плавными волнами? Дуеть чуть видно, смѣется чуть слышно. Должно быть жалѣетъ насъ, изступленныхъ и знойныхъ и яростныхъ, стоявшихъ уже на краю безумія. Но, вы помните, пришли пять часовъ. И небесное коромысло качнулось. А теперь уже просто все ожило, все улыбается благодарной улыбкой выздоравливающаго.

Вы знаете, что такое вода Анемомилуса? Такой больше нѣтъ во всемъ Кипрѣ. И пожалуй и въ Египтѣ и въ Сирии такой не найдете. Растопите жемчугъ и хрусталь — смѣхъ и лѣсное эхо — переключки въ горахъ и журчанье ручьевъ. Вотъ такая вода.

И подають ее въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, непронускающихъ тепла. Потому про-

зрачные жемчуга и смѣхъ стынуть въ кувшинахъ нетронуты, какъ русалки въ сѣдыхъ колодцахъ. А нальешь воду въ стаканъ и сейчасъ она заблещетъ, растопитъ всѣ свои холодныя сказки и вымыслы, расскажетъ про горныхъ духовъ, что видѣла въ пещерахъ своихъ, про гроты, базальты и скалы. Про жемчуга и прозрачное эхо. Про живое серебро. Сердце земли.

Вотъ какая вода.

И поль-города ѣздитъ туда къ полянѣ, къ предгорью, гдѣ на утрамбованномъ плацу хитрый грекъ разставилъ столики и раздаетъ въ холодныхъ кувшинахъ свѣтлую выдумку Бога. Сказку земли. Хитрый грекъ. Вы не думайте, что у него только вода, у него есть сладкіе, напудренные кубики лукума — «міа сирліано!» — и варенье «кайшу» и густое, волшебное кофе — словно для колдовства, загадочное, беспокойное, отъ котораго остро и взволнованно бьется слабое человѣческое сердце. Злое и тайное кофе: «Міа вари глики».

Хитрый грекъ. Приѣхали на островъ какіе-то русскіе — съ далекихъ странъ — тамъ, за Кавказомъ, еще дальше. Свѣтлые. И съ такими небывалыми, странными глазами. Голубыми. Какъ живое стекло. Такихъ здѣсь не бываетъ. И, вотъ, хитрый грекъ взялъ и пригласилъ одну такую къ себѣ. Она ходитъ межъ столиковъ, скользя какъ утлая лодка. На головѣ узкая плетеная ленточка, словно изъ шелковой соломки. И лицо — лицо...

Какъ жаль, что Коста не можетъ вовсе остановиться. И такъ ужъ юнъ ѣдетъ медленно. Но и все-жъ не успѣтъ посмотреть. Вотъ, вамъ будетъ смѣшно, но еще задолго до Анемилуса какъ-то беспокойно сидитъ Эйлизъ и ждетъ. Вытягиваетъ шею, высматриваетъ изъ за Косты. Застанетъ-ли ее между столиковъ на плацу, зажженную закатными лучами въ прозрачной коронѣ спутанныхъ, свѣтлыхъ волосъ.

Можетъ-быть, Эйлизъ изъ за нея только туда и ѣздить? Понимаете? Она читала привезенные Хассаномъ изъ Константинополя длинные, печальные рассказы. О дочери паши, проданной въ гаремъ на чужбину. О свѣтлой Зюлей, тосковавшей въ невольничьемъ рынкѣ въ Александретѣ. И плакала на пушинкахъ коврика. И читала вслухъ Гюльнаръ. А когда, проѣзжая мимо утрамбованной площадки и столиковъ, увидѣла свѣтлую женщину съ простымъ, горѣвшимъ внутреннимъ гнѣвомъ и свѣтомъ лицомъ, она ее просто узнала: — Увезенная дочь Гуссейна. Вы понимаете?

Ничего вы не понимаете. И всѣ эти книги для васъ только листы съ закорючками.

Остановилась бѣлая женщина и провожаетъ долгими взглядами вереницы колясокъ вдоль по шоссе. Какъ разъ вровень со столиками. Какъ на гуляньѣ ѣдутъ одна за другой. А одинъ экипажъ медленнѣй прочихъ. Турчанки, турчанки... Съ закрытыми лицами. Держить въ рукахъ поднось бѣлая женщина. Смотритъ долгимъ прозрачнымъ взглядомъ. Вотъ если-бы Эйлизъ сняла вуаль, она бы увидѣла яснѣе, какіе глаза — влажного, бездонного стекла — у свѣтлой женщины. Но не нужно снимать «пѣтче». И такъ все видно.

Когда-же Аде почувствовала впервые, что это особая, непохожая на другихъ женщина? Кажется давно, еще въ началѣ лѣта, когда Коста почти недвижно, еле качая рессорами, провезъ ее мимо низкой ограды.

И надъ столикомъ стояла она. Убирала стаканы и тарелочки. Подняла глаза.

Забилось сердце у бѣдной Эйлизъ. Сразу забилось. Почему?

Какъ объяснить — почему? Безъ причины, или вдругъ почуяла что-то безпокойное, или просто вспомнила плавныя закорючки книгъ,

выводившія жемчужовый разсказъ о чужой боли, о горѣ, о слезахъ, и кнутахъ. Или просто такъ вотъ, безсознательно и непонятнымъ уколомъ проснулась въ Эйлизъ та дальняя, которую гнали на невольничій рынокъ. Долгія столѣтія. Та, что пряталась, согнувшись въ плачущій комокъ, въ погребкахъ. Что также, вотъ, подавала дрожащей рукой чужимъ и холоднымъ въ узкихъ чашечкахъ густое, колдовское кофе.

— «Міа вари глики».

Бѣлая женщина вздрогнула и побѣжала подавать заказанный кофе.

Все потомъ перебрала въ долгихъ бесѣдахъ съ Гюльнаръ, что могла. Узнала отъ Измирли, что «она» дочь паши — русскаго, что мужъ убить на войнѣ и что двое дѣтей ея, маленькихъ и игрушечныхъ, воспитываются въ монастырѣ, у черныхъ монашенекъ, сестеръ-католичекъ, что близъ воротъ по дорогѣ на Морфу. Все это узнала Измирли въ своемъ турецкомъ кафе подъ клубомъ, ибо въ «ихъ» кафе никто не ходитъ — и фески вы тамъ не увидите.

Эйлизъ ѣдетъ обратно. Лошади стучать дробно и гулко.

Закрылись ставни. Это дома опустили свои многошарнирные вѣки. Прохлада и вечерняя темь прячутся за углами такими рваными лохматыми кусками. Бросаются подъ ноги пѣшеходамъ и лошадямъ. И все кутають, все кутають. Мигъ за мигомъ. Въ невидныя вуали. А потомъ онѣ густѣють, ложатся черною, низкою теменью. И люди говорятъ: «Вотъ пришелъ вечеръ. Совсѣмъ темно».

Гюльнаръ сразу открываетъ дверь. Значить она стояла уже и ждала.

— Видѣла? — спрашиваетъ Гюль.

— Видѣла, видѣла.

... — Такая свѣтлая, какъ бѣлая лани съ горъ. Такая прозрачная, какъ листья весной. Такая

горькая, какъ агава и слезы. И глаза — такіе далекіе, какъ дно бездоннаго моря. Какъ вода и стекло, плачь и жизнь. Сестра моя. Чужая моя.

Что это, Аде думаетъ или Гюльнаръ поетъ?

Во всѣ уголки и тайнички засоваль вечеръ темныя тряпочки, чтобъ темнѣе было. И въ углахъ оконъ и повыше дверныхъ петель, гдѣ и безъ того темно, нарваль и насоваль чернаго хлопка. Совсѣмъ темно стало.

— Какія у нея дѣти, Гюльнаръ?

— Я думаю такія, какъ на ярмаркѣ были игрушки. Помнишь, Аде, глинянаго мальчика, въ котораго можно было свистать? Вотъ такіе. Круглые, фарфоровые. И щеки надуты. И глаза изъ голубого стекла. Ходятъ животомъ впередъ — какъ паша на парадѣ — тупъ-тупъ! — И бѣлые, какъ лень, небывалые волосы. Тупъ тупъ! Такія дѣти.

— Помоги ей, Пророкъ, помоги.

Можетъ быть Аде и не говоритъ такъ даже, ибо что она понимаетъ, темная вечерняя бабочка, прикурнувшая на коврѣ въ ворохѣ ночной темени? Но вторая душа въ ней это говоритъ.

Эйлизъ стучитъ вилкою.

— Убери это все, Гюльнаръ. Докончи ужинъ сама.

Гюльнаръ опять уносить свѣчу.

Если-бы Аде умѣла рисовать, она нарисовала бы всѣхъ гречанокъ такими кривыми запятыми съ мохнатыми, закурчавленными волосами. Такими крючками съ волнистымъ хвостомъ. Такою злою тугою петлей, какой нѣтъ ни въ турецкой, ни въ арабской азбукѣ. А ее, вѣдь, Аде тоже учила.

А ту, далекую свѣтлую женщину, Аде нарисовала-бы кружками, волнистыми, плавными. И красками прозрачными, какъ на разсвѣтѣ. Или лучше просто вышила-бы ей платье. Золотыми

шнурями, какъ солнечный лучъ на закатѣ, если прищуриться. И бусинки поставили-бы вокругъ. Просто вышила-бы бабочку. Большую съ большими синими жилками крылышекъ. А глаза, какъ у той. Свѣтлые, живые, стеклянной, прозрачной воды. Небывалые глаза. Или просто подарить ей эту матерію. Но какъ подарить? Вѣдь, нельзя-же остановиться и сказать: «На тебѣ, чужая и дальняя. Своя и пришедшая. Видишь бабочекъ. Отдай это своимъ фарфоровымъ мальчикамъ. Пусть поиграютъ. Тупъ-тупъ! Тупъ-тупъ! Пусть посвистятъ въ свистульки глиняныя!».

— Глаза твои, какъ колодецъ бездонный. Улыбка твоя, — какъ листъ осенній, прозрачный на солнцѣ. Кто - ты?

Что это Гюльнаръ сегодня такъ распѣлась? Лучше-бы бусинки въ коврѣ поискала.

Цѣлыми ворохами, кипами наложена темень по угламъ. И ворошать ее и гнуть и приминаютъ какіе-то черные и невидные. Страшно. Гюльнаръ, гдѣ ты? Ну, хорошо, пой дальше.

Только бы не уснуть такъ, лежа на коврѣ.

Или просто взять у Хассана изъ шкатулочки и отдать ей. «Вотъ тебѣ и для фарфоровыхъ мальчиковъ». Или... Ахъ, невозможно это, нельзя. Взять ихъ къ себѣ. Почему нельзя? Тѣсно Эйлизъ-Аде въ кольцѣ, завинченномъ вѣлками. Узко тамъ и темно. И бьется, какъ у птички въ неволѣ, сердце Аде. Хочешь жизни, свѣтлой и прозрачной, какъ жемчужовая вода, которую всѣ пили сегодня за городомъ? Хочешь?

Шерстинки Ангоры такъ колютъ усталую щеку. Тупъ-тупъ, прошли англичане въ бѣлыхъ шлемахъ, а впереди фарфоровые мальчики со свистками. Отдалъ имъ заптій честь и самъ засмѣялся. «Каймаки», «Каймаки». Опять дрогнули крыльями прозрачныя синія бабочки и зашмыгались бусинки, какъ живые глаза. Стояла

на берегу огненного, оранжеваго моря бѣлая женщина и махала рукой. И звали глаза ея, звали къ себѣ Эйлизъ-Аде. Но нельзя — цѣлое море было между.

Пришли какіе-то черные изъ угловъ и наворошили еще больше тьмы. Свернули, мяли ее, наложили горой. Совсѣмъ темно стало.

Спать Эйлизъ-Аде.

Т-ссъ. Т-ссъ. Тише, Гюльнаръ. На цыпочкахъ. Потомъ раздѣнется. Потомъ успѣется. Вотъ такъ. Закрой ладонью свѣчку. Побѣлѣвшей ладонью своей.

Вотъ такъ. Прикрой тихонько дверь. Т-ссъ. Т-ссъ.

Иди, черная. Иди, хорошая. Ты, вѣдь, у нея одна осталась.

- № 26. И. Ѳ. Горбуновъ. Разказы.
- № 27. А. Н. Апухтинъ. Лирика.
- № 28. А. П. Чеховъ. Юморист. разказы.
- № 29-30. Гр. Ал. К. Толстой. Царь Борисъ.
- № 31-32. Ѳ. Достоевскій. Бѣлыя ночи. — Ползунковъ. — Честный воръ. — Елка и свадьба.
- № 33. Л. Толстой. Дьяволь.
- № 34. А. П. Чеховъ. Дѣтвора.
- № 35. А. И. Герценъ. Долгъ прежде всего. (Повѣсть).
- № 36. Бернгардъ Келлерманъ. Святые.
- № 37. Н. В. Гоголь. Игроки. — Утро дѣловаго человѣка. — Лакейская.
- № 38. С. Я. Надсонъ. Стихи.
- № 39. А. П. Чеховъ. Бытовые разказы.
- № 40. А. С. Пушкинъ. Сказки.
- № 41. А. М. Дроздовъ. Чертополохъ.
- № 42. А. Н. Майновъ. Стихи.
- № 43. Н. А. Некрасовъ. Русскія женщины.
- № 44-45. Л. Толстой. Власть тьмы.
- № 46. А. И. Герценъ. Русскій народъ и социализмъ.
- № 47. Н. С. Лѣсковъ. Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда.
- № 48. Л. Толстой. Отецъ Сергій.
- № 49. Гр. Ал. К. Толстой. Лирика.
- № 50-51. Антологія современной поэзіи. (Анненскій, Ахматова, Волошинъ, Гумилевъ и др.)
- № 52. Н. С. Лѣсковъ. Лѣвша. — Пустоплясы.
- № 53. Л. Толстой. Живой трупъ.
- № 54. М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы.
- № 55. Вл. Крымовъ. Странные разказы.
- № 56. М. Ю. Лермонтовъ. Лирика.
- № 57-58. Поэзія революціонной Москвы. Подъ ред. И. Эренбурга.
- № 59. Владимиръ Соловьевъ. Еврейство и христіанскій вопросъ.

420858

- № 60. Илья Эренбургъ. Кануны.
№ 61. И. И. Мясницкій. Смѣха ради.
№ 62. С. Л. Поляковъ. Лабиринтъ.
№ 63. Эдгаръ Поэ. Золотой жукъ.
№ 64. Ѳ. Ивановъ. Узоръ старинный.
№ 65. И. Василевскій (Не Буква). Литературные силуэты.
№ 66-67. Н. Гумилевъ. Жемчуга.
№ 68. Н. Гумилевъ. Дитя Аллаха.
№ 69. Гр. Ал. Ник. Толстой. День Петра.
№ 70. Гр. Ал. Н. Толстой. Прекрасная дама.
№ 71-72. Антологія современной нѣмецкой поэзіи.
№ 73. Алексѣй Ремизовъ. Пѣтушокъ.
№ 74-75-76. Ѳ. Достоевскій. Записки изъ подполья.
№ 77. Гр. А. К. Толстой. Баллады.
№ 78. А. А. Гольденвейзеръ. Якобинцы и большевики (психологическія параллели).
№ 79. Юри Слезинъ. Господинъ въ цилиндрѣ.
№ 80. Вл. Крымовъ. Городъ-Сфинксъ.
№ 81. Н. Минскій. Отъ Данте къ Блоку.
№ 82. Г. Гребенщиновъ. Степные вороны.
№ 83. Глѣбъ Алексѣевъ. Бабы посидѣлки. (Украинскія народ. сказки).
№ 84. А. Чеховъ. Романъ съ контрабасомъ.
№ 85. Сергѣй Горный. Янтарный Кипръ.
№ 86. И. Минскій. Кого ищешь? (Мистерія).
№ 87. Э. Магарамъ. Блуждающія души.
№ 88. Гр. Ал. Ник. Толстой. Три смерти. (Андреевъ, Блокъ, Гумилевъ).
№ 89. И. Соколовъ-Микитовъ. Сметана. (Сѣверныя русскія сказки).
№ 90-91. Изъ антологіи сатиры и юмора.
№ 92. Пѣсенки Беранже.

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00117409 9